К. А. ТРЕНЕВ

Любовь Яровая

ПЬЕСА В ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ

Д

30.
11657-12
2005
15

КШ

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

К. А. ТРЕНЕВ

Любовь Яровая

ПЬЕСА В ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ

МОСКВА • ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА • 1980

К читателям

Отзывы об этой книге просим присылать по адресу: 125047, Москва, ул. Горького, 43. Дом детской книги.

Оформление Е. ГАННУШКИНА

Т $\frac{70803-463}{М101(03)80}$ 222—80

СОДЕРЖАНИЕ

ДЛЯ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

Константин Андреевич Тренев

ЛЮБОВЬ ЯРОВАЯ

ИБ № 4523

Ответственный редактор *Е. М. Подкопаева.* Художественный редактор *Т. М. Токарева.* Технический редактор *Н. И. Лукова.* Корректоры *А. П. Саркисян* и *Е. И. Щербакова.*

Сдано в набор 18.04.80. Подписано к печати 22.08.80. Формат $84\times108^{1}/_{32}$. Бум. типогр. № 1. Шрифт обыкновенный. Печать высокая. Усл. печ. л. 5,04. Уч.-изд. л. 5,1. Тираж 300 000 (1—150 000) экз. Заказ № 1468. Цена 30 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сущевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных пластин «Целлофот»

Тренев К. А.

Т66 Любовь Яровая: Пьеса/— М.: Дет. лит., 1980.— 96 с., ил. (Школьная б-ка).

В пер.: 30 к.

В книге помимо всемирно известной, отмеченной Государственной премией пьесы К. А. Тренева помещена статья об авторе и его творчестве Е. Суркова.

$Т\ \frac{70803-463}{М101(03)80}\ 222-80$ Р2

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Любовь Яровая — *учительница.*
Михаил Яровой — *ее муж, офицер.*
Павла Петровна Панова — *машинистка.*
Роман Кошкин — *комиссар.*
Швандя — *матрос.*
Хрущ
Грозной } *помощники Кошкина.*
Мазухин
Максим Горностаев — *профессор.*
Елена Горностаева — *его жена.*
Малинин } *полковники.*
Кутов
Аркадий Елисатов — *деятель тыла.*
Иван Колосов — *электротехник.*
Дунька — *горничная, потом спекулянтка.*
Махора — *девушка.*
Марья — *крестьянка.*
Семен — *вахмистр* } *ее сыновья.*
Григорий — *подпольщик*
Пикалов — *мобилизованный.*
Фольгин — *либеральный человек.*
Барон.
Баронесса.
Чир — *сторож.*
Дирижер танцев.
Закатов — *протоиерей.*
Костюмов — *каптенармус.*
Первая комсомолка.
Вторая комсомолка.
Генерал.
Первый конвойный.
Второй конвойный.
Депутат от помещиков.
Депутат от промышленников.
Продавец газет.
Продавец папирос.
Продавщица папирос.
Барынька.
Чистильщик сапог.
Первый господин.
Второй господин.
Третий господин.
Матушка.
Цветочница.
Татьяна.
Писарь.
Рабочие, красноармейцы, офицеры, солдаты, гимназистки, граждане.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Бывший богатый особняк, где помещаются ревком и другие учреждения. Жизнь бьет ключом. Коммутатор, телефоны. Телефонистка принимает телефонограмму.

Телефонистка *(подошла к телефону)*. У аппарата! Товарища Хруща? Сейчас. *(Бежит вниз.)* Товарищ Хрущ! Товарищ Хрущ! Вас — пятая дивизия!

Хрущ *(у аппарата)*. Да, да, да!.. Так. Добре! Зараз? Хорошо! Будет исполнено.

Входит первая комсомолка из комнаты Кошкина.

Первая комсомолка. Товарищ Хрущ, срочная телефонограмма. Товарищ Кошкин велел вам и товарищу Мазухину сейчас же передать.

Хрущ *(читает телефонограмму)*. А где Мазухин? Сестренка, кликни-ка товарища Мазухина!

Вторая комсомолка. Товарищ Мазухин! К товарищу Хрущу!

Входит Мазухин.

Мазухин. Что за экспресс?

Хрущ. А вот, почитай!

Мазухин читает. Звонок телефона.

Вторая комсомолка. У аппарата! Товарища Кошкина? Сейчас. *(Уходит в кабинет Кошкина.)*

Из кабинета выбегает комиссар Вихорь.

Мазухин. Да!

Хрущ. Товарищ Вихорь, почитай!..

Вихорь *(читает и старается скрыть радость)*. А-а! Да, да!

Мазухин. Понимаешь? Жегловский мост. Уже у белых.

Вихорь. Да... Неприятность!

Хрущ. Надо взрывать малые мосты.

Вихорь. Еду на место! *(Быстро уходит.)*

Хрущ и Мазухин, разговаривая, тоже уходят. Входит вторая комсомолка.

Вторая комсомолка *(подошла к аппарату)*. Через пять минут сам позвонит.

Входят Панова и Швандя. Панова с бумагами в руках садится за пишущую машинку.

Панова. И вы, товарищ Швандя, там были?

Швандя. Необходимо был. Вот как я, так мы, красные, на берегу стояли, а как вы — обратно, французский крейсер с матросами. Все чисто видать и слыхать. Вот выходит один из них прямо на середку и почииает крыть.

Звонок телефона.

Да... Починает обратно крыть: «Товарищи, говорит, подымайся против буржуев и охвицерьев».

Звонок телефона.

Буде нам, говорит, за их...

Панова. Подойдите же к телефону.

Швандя *(берет трубку телефона)*. Ну? Ревком... Так что? Ну, так! Убирайся обратно к черту! У меня тут без вас неуправка — голова кругом идет, сморкнуться обратно некогда. У меня, может, доклад идет. Говорю, не отрывай пустяками от ударного дела... *(Вешает трубку, дает отбой.)* «Буде проливать, говорит, за их кровь...» Дале и пошел и пошел крыть...

Панова. По-французски?

Швандя. По-французски! Чисто.

Панова. Позвольте, товарищ Швандя! Ведь вы по-французски не понимаете?

Швандя. Что ж тут не понять? Буржуи кровь пили — это хоть кто поймет. Вот дале глядим — подъезжает на катере сам. Бородища — во! Волосья — тоже... Как зыкнет!

Панова. Это кто же — сам?

Швандя. Ну, Маркс, кто ж еще?

Панова. Ну, уж это, товарищ Швандя, вы слишком много видели.

Швандя. А то разве мало!

Панова. Маркс давно умер.

Швандя. Умер? Бросьте! Кто же, по-вашему, мировым пролетариатом командует?

Входит Грозной. Швандя уходит.

Грозной. Товарищ Панова, прошу переписать срочную бумагу.

Панова. В два счета?

Грозной. Ясно. Почерк у меня слишком быстрый, так что собственнолично продиктую.

Панова. Ничего, я разберу. *(Берет у него бумагу, начинает ее переписывать.)*

Грозной жадно смотрит на нее.

Что же вы на меня смотрите? На мне ничего не написано.

Грозной. Вы сами — писаная красотка!

Панова. Ах, товарищ Грозной, вы вечно заставляете меня краснеть.

Грозной *(рисуясь)*. Каким родом?

Панова. Словами, конечно.

Грозной. А вы меня глазами — не то что в краску, может, в пот вгоняете.

Панова. Это страшно!

Грозной. Для вас я не страшный. А вот других гидров одними глазами в обморока вгоняю...

Панова. Неужели?

Грозной. Час тому обратно явился ко мне доктор: рост — под потолок, бородища, очки... Так я на него только поглядел — вот так... Он — хлоп! И в дамки: побелел, затрусился.

Панова. Да. Это взгляд.

Грозной достает папиросы, угощает. Кожаное пальто распахнулось. Под пальто камергерские брюки, заправленные в сапоги.

Какой вы интересный в этом костюме...

Грозной. Подходяще?

Панова. Очень. Золотом расшит... Что же вы контрреволюционные штаны надели?

Грозной *(сконфуженно запахнулся)*. Это я для смеху... Только вам показаться. А вот — позвольте ручку.

Панова. Зачем?

Грозной. Сами увидите. *(Вынимает из кармана браслет, кольца.)* Не вредные штучки?

Панова. Нет, нет, товарищ Грозной, этого не надо.

Грозной. Почему?

Панова. Да с какой стати?

Грозной. Да уж, значит, стоите дела того...

Панова. Что могут подумать?

Грозной. Пущай посмеют.

Панова. А товарищ комиссар увидит?

Грозной. Ну, вы браслетик под рукав, а часики на грудях...

Панова. Нет, товарищ Грозной, оставьте их при себе.

Грозной. Ну хорошо. Но имейте в виду, что вы завсегда можете их иметь, как пожелаете, я при себе буду носить. *(Прячет вещи в карман на груди.)*

Входит профессор Горностаев с женой.

Горностаев *(рассеян, движется порывисто)*. К кому я могу обратиться?

Панова. Вот товарищ Грозной.

Грозной. А тебе чего?

Горностаев. Вы? Да, да! Дело в том, что люди с винтовками запечатали мою библиотеку.

Горностаева. А комиссар Вихорь, сухорукий, что поселился в нашей квартире, забрал к себе всю обстановку, все заплевал, непристойно бранится, зарезал трех кур и куриной кровью везде написал: «Режь недорезанных буржуев»...

Грозной. Хо-хо-хо! Молодчага Вихорь! Придумал же! Ну и голова. Из курей революцию!

Горностаева. Я кур берегла...

Горностаев. Дело не в курах...

Грозной. Да ты кто такой?

Горностаев. Я профессор Горностаев.

Грозной. Профессор кислых щей? Ха-ха-ха... Так что тебе нужно? Книжки твои мы в читальню заберем.

Горностаев. Вот этого и не следует делать.

Грозной. Ну, это ты нам не указуй! У тебя небось тысячи книг на одного. А народу, может, на тысячу человек одна книжка. Это порядок?

Горностаева. Но ведь ему работать нужно.

Грозной. А что он работает?

Горностаева. Пишет.

Грозной. «Работа»! Мы еще поглядим, что ты там пишешь, может, контрреволюцию агитируешь.

Горностаев. Да, да!

Грозной. Что да?

Горностаев. Я говорю, отчего у вас, мой друг, глаза испуганные?

Грозной. У меня? Испуганные? Ну, я тебя зараз пугну! Швандя, забрать эту контру ко мне! *(Уходит.)*

Горностаева. Макс, Макс... да что же это?

Горностаев. А видно, и за кур кому-нибудь пострадать надо.

Шваня (*подходит к Горностаеву*). А ну, гребись! (*Всмотревшись, смущенно отходит.*) Никак нет... я уполне сознательный... (*Пановой.*) Дух сперло, до чего схож.

Панова. С кем схож?

Швандя. И портрет и фамилия в одно...

Входит Грозной.

Грозной. Швандя! Почему не доставил арестованного?

Швандя. А ну, откачнись! Тут такие дела, без Кошкина не достигнешь...

Входит Елисатов.

Елисатов. Здравствуйте, товарищи! Максим Иванович, Елена Ивановна! Какими судьбами?

Горностаев. А вот... кур порезали, библиотеку запечатали... Комиссар Вихорь...

Елисатов. Одну минуту. Товарищ Грозной, в чем дело?

Грозной. А контра! Да еще и выражается.

Елисатов. Это профессор Горностаев. Его Европа знает.

Грозной. Узнаем и мы. Да вот и сам пред идет.

Входит Кошкин.

Кошкин. Здравствуйте, товарищи! Товарищ Панова, пишите повестку сегодняшнего заседания. (*Диктует.*) «Об учительском съезде и курсах, а именно: для перевыучки учителей. Об открытии в городе сети из сорока клубов. О поголовном выгнании на Зеленую горку всей буржуазии на рытье окопов. О поголовном всеобщем народном образовании. О выселении, вселении, переселении и уплотнении. Об электрификации в ударном порядке». Товарищ Елисатов, какие еще вопросы?

Елисатов. Полагаю, для одного заседания достаточно.

Кошкин. Ладно! И текущие дела. А именно — контрреволюция.

Елисатов. Товарищ Роман! Вот профессор Горностаев к вам с просьбой.

Кошкин. Ну?

Горностаев. Да, да! Книги у меня отобраны.

Горностаева. Кур порезали.

Е л и с а т о в. Профессор Горностаев — краса и гордость русской науки.

К о ш к и н *(жмет руку Горностаеву).* Прошу, товарищ, садиться. Давно надо было видаться. *(Шванде.)* Немедленно вернуть товарищу профессору книги и *(Елисатову)* выдать мандат о неприкосновенности. Вы, профессор, нам необходимы по народному образованию. Как я, взявши на себя также временно и обязанности комиссара народного образования, то тут же начал списывать для всеобщего образования всех свой проект. *(Подает Горностаеву бумагу.)*

Г о р н о с т а е в *(взглянув на бумагу).* «О всеобщем фуксинировании... образования трудящихся...» Товарищ комиссар просвещения, вы неграмотны...

К о ш к и н. Как неграмотный, когда я сам написал? Только не вполне твердо. Вы знаете, что ученье — свет, а неученье — тьма?

Г о р н о с т а е в. Знаю, слыхал.

К о ш к и н. Нет, товарищ профессор, вы не все знаете. Я знаю больше. Вы знаете только, что ученье — свет, это вам прямо видать, а что неученье — тьма, так это вы только сбоку видали. А я сам спытал на своей шкуре. Вам свет в глаза светит, а мне тьма застилает. Так мне эта тьма лютей, чем вам, и я с ей на живот и смерть биться буду. А кто мне помогать не желает, а, напротив, саботирует, тот у меня в один счет и свет и тьму получит...

Г о р н о с т а е в. Да, да! В глазах пламя веры, а вот у тех, что были у меня, этого еще нет. Только с наганами к глазам лезут.

К о ш к и н. Без наганов, товарищ профессор, революции не сделаешь.

Е л и с а т о в. Верно!

К о ш к и н. Пожалуйста, товарищ Горностаев, ко мне через час с товарищем Елисатовым, который мне очень помогает. Будем дело делать. *(Пановой.)* Повестки! *(Идет.)*

Е л и с а т о в. Именно! Отдадим народу все силы, ибо прежде наука была белая рабыня капитала, теперь она — красный товарищ пролетариата. Не так ли, товарищ Горностаев?

Г о р н о с т а е в. А? Да, да...

Т е л е ф о н и с т к а. Товарищ Кошкин, к телефону! С фронта!

Кошкин уходит.

Елисатов. Мы ведь с вами, Максим Иванович, и раньше встречались. Помните, в Одессе?

Горностаев. Да, да, помню. Вы, кажется, дантист?

Елисатов. Нет! Что вы, я общественный деятель и журналист.

Горностаев. Да, да! Я именно и говорю, в этом роде что-то...

Елисатов и Горностаевы уходят. Проходит Чир.

Панова. Чир, доставьте пакет профессору Горностаеву.

Чир *(берет пакет, читает)*. Весьма важное. *(Бросил незаметно за печку.)*

Панова. Чир, сегодня на кого еще донесли?

Чир. Исповем богу единому, судящему ныне богатых и нечестивых. Писано бо: «Во утрие избивах вся грешныя земли». *(Ушел.)*

Входит Елисатов.

Елисатов *(Пановой)*. Сию минуту получены сведения. Наши по эту сторону Жегловского моста. Через два дня здесь.

Панова. Голубчик... правда ли?

Елисатов. Точно... Сейчас паника начнется.

Входит Швандя с бумагой, Елисатов ушел.

Швандя. Переписать!

Панова. Есть, товарищ Швандя! Какой вы интересный.

Швандя. Кто? Я?

Панова. Да, да, прямо — амурчик!

Швандя. Почему так рассчитываете?

Входит Дунька.

Товарищ Дуня Фоминишна, мое почтение! Вот это действительно прямо сверхамурчик!

Панова. Какое на вас чудесное платье!

Швандя. Да вы вся, как букетик или горшочек с цветами. А перчаточки...

Дунька. А ты руками не лапай!

Швандя. Я только пальчиком торкнул. На танции, Дуня Фоминишна, всем составом сунете?

Дунька. Это до вас не ответствует.

Шванд я. Нет, это вы обратно, как мы тоже упольне сознательные.

Дунька. Я до товарища комиссара.

Шванд я. Это — раз плюнуть! Вам об чем?

Дунька. Это до вас не ответствует — больше никаких. *(Хочет войти в кабинет.)*

Шванд я. Нет, ответствует, и прошу обратно.

Входит Кошкин с бумагой.

Кошкин *(Пановой.)* Напечатать!

Дунька. Товарищ Кошкин, я до вас!

Кошкин. В чем дело?

Дунька. Мне две комнаты нужно иметь, потому что я тоже с хорошими товарищами знакомство веду, а она мне одну бадуварную отдала, да и из той пружиновую сидушку утащила. Пущай зараз гостильпую отдаст! У меня гостей вдесятеро больше бывает. Комиссар Вихорь завтра на кохвей придет. На что он сядет? На что?

Кошкин. Да вы, товарищ, кто?

Дунька. Конечно ж, прислуга!

Кошкин. Так вы должны войти в союз и защищать свои интересы сообща.

Дунька. Это мне без надобности. Я сама защитюсь.

Кошкин уходит в кабинет. Входит Марья.

Марья. Где тут они?

Шванд я. Тебе, гражданочка, кого?

Марья. А родимец вас знает кого, может, тебя. Чай, комиссар?

Шванд я. Не, не упольне.

Марья. А рожа в самый раз. Третий день из деревни, а комиссара не вижу. Только и вижу вот эту чуму в краске. *(Дуньке.)* Ты что же в чужое, как болячка, нарядилась? Оно на тебя шито? Ты его заработала?

Дунька. Значит, на меня. Теперь все народное.

Марья. Какое ж оно народное, когда под руками аж лопнуло? Сымай зараз, кобыла!

Дунька. Отстань, тетка!

Марья. Сымай, говорю, тварь! Не погань одежу! *(Срывает с нее кофточку.)*

Дунька *(отбиваясь)*. Да чего ты, контрреволюция, пристала?

Марья. Я тебе покажу, где революция.

Швандя. Ты что, сказилась, ай как?

Дунька убегает. Швандя оттаскивает Марью назад.

Марья. Ишь какую одежу захаяла, шкура проклятая. *(Плачет.)*

Швандя. Тьфу, вредная старушка!

Марья. Какая я тебе старушка? Мово веку пятьдесят годов, сколько еще впереди жить. А сынов уже нету. Одной маяться.

Швандя. А где же сыновья?

Марья. А я знаю? Один с отцом с той войны не вернулся, два на этой пропали. А я тычусь слепой головой.

Швандя. Да они у тебя где воевали?

Марья. Сперва все дома промеж себя воевали. А потом разошлись. Прощай, мол, мамаша. Прощайте, сукины сыны, чтоб вы, говорю, не вернулись. А они и не вернулись. Где они?

Швандя. Да за кого воевали-то?

Марья. А я понимаю?

Швандя. Понять очень просто. Какие слова говорили?

Марья. Да Гришка все на Семку: «Бандит ты, такой-сякой».

Швандя. Верно! Значит, Семка в белых.

Марья. А Семка на Гришку: «Погромщик ты»,— кричит.

Швандя. Ну... стало быть, это Гришка в белых. А где же Семка?

Марья. Да, может, тут по бумагам, ай как известно?

Швандя. А ну постой, може без бумаг. Какое у их хозяйство было?

Марья. Какое там у Гришки хозяйство? В людях служил. А Семка тот, слава богу, хозяин. Пятьдесят четвертей пшеницы одной, два работника до покрова.

Швандя. Ну, так — раз плюнуть! Семку ищи у белых, а Гришка должон быть тут. Пойдем в дом рядом, там скажут. Революция, мамаша, она скажет.

Швандя и Марья уходят. Входит Любовь Яровая.

Панова. С приездом, товарищ Яровая.

Любовь. Я не приехала. Что, товарища Кошкина нет?

Панова. Занят. Опять пешком тридцать верст?

Любовь. Я привычна. Экспрессами и автомобилями не избалована.

Входит Елисатов.

Елисатов. А, товарищ Яровая! Как здоровье? Надеюсь, поправились? После тифа деревня — чудо! Но занятия в школе ведь не скоро? Пожили бы еще в деревне.

Любовь. Деревню вчера белые снарядами сожгли.

Елисатов. Белые? Откуда?

Любовь. Вчера были в семи верстах.

Елисатов. Вот как!

Любовь. Сейчас, вероятно, уже в деревне.

Елисатов. Не может быть. Наши теснят их всюду. *(Уходит.)*

Панова. Страшно под снарядами?

Любовь. Нет, весело.

Панова. За что у вас, товарищ Яровая, ко мне такое отношение?

Любовь. Я не товарищ вам и никакого отношения к вам... Скоро придет товарищ Кошкин?

Панова. Скоро, погодите. Мы обе солдатские вдовы, живущие своим трудом: будто бы товарищи и даже вдвойне.

Любовь. Видно, не все вдовы — товарищи.

Панова. Ваш муж погиб два года тому назад, а мой — два месяца.

Любовь. Из этого что следует?

Панова. Моя рана, может быть, свежей.

Любовь. Может быть...

Панова. Хотите папиросу? Лечебная...

Любовь. Нет, уж я учительскую. *(Закуривает собственную папиросу.)*

Панова. Вы, товарищ учительница, сами много учились?

Любовь. Очень мало.

Панова. Это и видно!

Любовь. Так на то вы нам и глаза выкололи, чтоб самим лучше видеть.

Панова. Да, я много видела. Я видела культуру и в Европе, и в России и вижу, что значит растоптать хамским сапогом в один миг то, что создавалось веками.

Любовь. Значит, не годится то, что создавалось веками, если его так легко растоптать.

Панова. Нет, это не мерка! Ваш, как и мой муж, были прекрасные люди. Мой муж был славный архитектор, созидал дворцы и храмы, а погиб от укуса одной вши. И нет больше творца, не создаст новых дворцов и храмов. Их вошь съела.

Любовь. Создадут другие.

Панова. Не в России, милая. Здесь вошь — царица, все съест.

Любовь. А мы ее вычешем. Есть паразиты хуже вшей. Вот они моего мужа съели и ребенком закусили. Ваш муж дворцы строил, а мой в это время в тюрьмах сидел. Дворцы вы себе строили, а нам казематы. А я не успею, бывало, службу найти, как уж гонят: опасна! Муж в тюрьме! А на германской войне ваш муж был?

Панова. Нет.

Любовь. Правильно. Защищать отечество могут только опасные враги и хамы, а сыны отечества прятались за спиной этих врагов. Мой муж говорил, прощаясь: «Жди, Люба, принесу с фронта новую жизнь, а за старое с ними сочтемся». Так я теперь его именем предъявляю счет.

Панова. За мужа?

Любовь. Нет, за всех «хамов», что вам дворцы строили!

Панова. Я заплатила всем, что у меня было.

Любовь. Значит, мы квиты.

Панова. Ну, нет! У меня тоже большой счет. Я по нему желаю получить.

Любовь. Можете. А я свой счет от матери с молоком получила. Одни родились, чтобы наслаждаться, другие — чтобы ненавидеть.

Входит Колосов.

Колосов. С преддверием праздника. Люба, здравствуйте! Здравствуйте, Павла Петровна! А мне Елисатов сказал, пришли... Так я... пришел.

Панова. Положим, прибежали. Отдышитесь. Воды выпейте. Вот и лекарь. Скорая помощь.

Колосов. Проголодались? *(Достает кусок булки, конфету, угощает обеих.)*

Любовь. Нет, спасибо.

Колосов. Ну, как вы?

Любовь. Ничего. Вернулась вот. Деревню белые сожгли.

Колосов. С преддверием... Ну ничего, новую построим.

Любовь. Вы, Ваня, как?

Колосов. Мечтал завтра проведать вас, а вы пришли сегодня.

Панова. Вот счастливец. Действительность предупреждает мечты.

Колосов. А у меня всегда так: не успею пожелать людям преддверия праздника, глядь — у самого уже праздник. *(Любови.)* У вас в глазах нехорошо.

Звонок телефона. Панова берет трубку.

Любовь. Да... Нет, это от усталости. Увидела сейчас... одну вещь. Очень странно. Выйдем, Ваня!

Уходят. Из кабинета выходят Кошкин, Елисатов, Швандя и другие.

Панова. Товарищ Кошкин, к телефону!

Кошкин *(на ходу)*. По случаю приближения фронтовой полосы сегодня заседание часом раньше. До этого провести летучие митинги. Швандя и Елисатов, дела запечатывайте в ящики!

Швандя. Есть!

Кошкин *(в телефон)*. Да, да! Угу... Буржуев всех в окопы немедля. Для осторожности учреждения свертывать.

Панова. Товарищ Кошкин, подпишите. *(Уходит.)*

Кошкин *(слушая телефон, подписывает бумагу)*. Да, да! Кто это с ятем и ером пишет?

Елисатов. Это — секретарь из финансового отдела. Никак не может отвыкнуть.

Кошкин. На сутки в подвал. *(В телефон.)* Мобилизовать всех лошадей, объявить гражданам: желающие пущай эвакуируются. *(Уходит.)*

Входят Колосов и Любовь Яровая.

Колосов. Велено струны снимать: музыке конец! Помогайте! *(Снимает провод.)*

Любовь ему помогает.

Любовь. Не надолго. Все равно песня их спета.

Колосов. Так что же вы в окне у Горностаевой увидели?

Любовь. Полотенце. Точь-в-точь такое Мише в дорогу дала...

Колосов. Мало ли на свете одинаковых полотенец.

Любовь. Именно такой узор я сама вышивала.

Колосов. Пора забыть, два года прошло.

Любовь. Да, быстра жизнь.

Колосов. Жизнь вон какие узоры вышивает. Хорошо в поле?

Любовь. Да, зелено.

Колосов. А по зеленому полю люди красным шелком — братской кровью вышивают.

Любовь. Новую жизнь вышивают. Новый мир кровью покупают.

Колосов. Чужая кровь — дешевая плата.

Любовь. Чужая? Я самой дорогой кровью заплатила. А понадобится — своей заплачу. Я недостойна его крови. Темная, трусливая мещанка! Он горел в огне, в подпольной работе, а я тряслась от страха и скулила: «Брось! Пользу можно принести и на общественной работе». *(Закрыла лицо.)* Стыдно, больно вспомнить! Если бы жив был, шла бы рядом с ним, горела бы одним огнем... В тифозном бреду все время видела его точно таким, как проводила на смерть. Идет полем, хлеба колосятся.

Колосов. Люба, если бы я был не я, а другой, сильный, я бы всей жизнью осушил ваши слезы.

Любовь. Если бы вы были не вы, то был бы другой — это вы правильно говорите. Эх, горюн вы!

Колосов. Нет, когда я смотрю вперед, у меня у самого дух от восторга захватывает.

Любовь. Это оттого, что вы смотрите не вперед, а на меня.

Колосов. Да, конечно, и от этого.

Слышен орудийный выстрел.

Любовь. Вот, слышите? Вот это — «восторг». Хоть сегодня и их праздник, но это последний.

Входит Панова.

Панова. Слыхали?

Любовь. Весело?

Панова. Нет, страшно! *(Убегает.)*

Любовь. Не бойтесь, это не надолго.

Входит Кошкин.

Кошкин. Товарищ Яровая, здравствуйте!

Любовь. Здравствуйте. Вчера белые Чугуновку сожгли.

Кошкин. Знаю. Не дали, дьяволы, вам от тифа оправиться.

Любовь. Не до поправки...

Кошкин. Ничего. Временная эвакуация. Уходим без боя. Ждать будете недолго.

Любовь. Товарищ Кошкин, в деревне вас ждут сейчас... в лесу, в каменоломнях...

Кошкин. Много ль туда ушло?

Любовь. Пока мало. Я от них пришла... Если можете мне довериться...

Кошкин. Товарищ Яровая, в прошлый приход белых я вам доверил жизнь и свою и товарищей...

Любовь. Ну, что там?

Кошкин. Вам я доверяю целиком. *(Тише.)* Теперь в том погребе, что вы нас прятали, может, кое-что другое придется прятать. Зайдите ко мне через полчаса. *(Уходит.)*

Входит Панова.

Панова. Товарищ Роман, к телефону!

Входит Горностаева с полотенцем, в глубине Колосов.

Горностаева. Что ж это... последнюю курицу зарезал, подлец. Дюжину полотенец взял! Взамен вот свое грязное оставил.

Любовь. Кто?

Горностаева. Да все этот бандит, мой жилец! Вихорь!

Любовь *(рассматривает полотенце, бледнеет)*. Не может быть... Оно, оно! Вот инициалы... Своей рукой...

Горностаева. Что с вами?

Любовь. Это я мужу на дорогу дала... Где он его взял? Я хочу сама его спросить...

Горностаева. Да он еще с утра от меня ушел.

Любовь. Дайте, дайте мне его!

Горностаева. Что ж, возьмите. Только мне взамен дайте. Не могу же я разбрасываться полотенцами.

Любовь берет полотенце. Припав к нему лицом, рыдает. Идет к выходу. Колосов и Горностаева следуют за ней. Из кабинета выходят Кошкин, Хрущ, Вихорь и другие.

Кошкин. Значит, ударная задача — взорвать нынче же ночью Жегловский мост — возлагается на тебя, Миша.

Вихорь. Жегловский мост имеет важнейшее стратегическое значение...

Кошкин. Ты что — лекцию?

Вихорь. И эту ответственнейшую операцию мы должны провести только под твоим личным руководством.

Кошкин. Под моим руководством идут здесь сейчас все операции — приказ партии. Под твоим руководством взрывается нынче мост — приказ мой!

Вихорь. Тогда дай мне самых надежных товарищей: Хруща, Мазухина, Швандю.

Кошкин. Берешь Хруща, Мазухина, Швандя остается при мне.

Вихорь. Слушаю.

Кошкин. Всем быть на местах. Через час собраться здесь.

Все, кроме Кошкина и Пановой, уходят.

Ну, товарищ Панова, вы как? С нами или останетесь с белыми?

Панова. Я белых не люблю.

Кошкин. А красных?

Панова. Красных люблю.

Кошкин. Гм... За что же это вам красных любить? Кажись, не нашего вы поля?

Панова. А я не всех, только некоторых.

Кошкин. Кого ж, к примеру?

Панова. Это уж военная тайна.

Кошкин. Да уж видать.

Панова. Вы о ком?

Кошкин. Здорово он прицеливается.

Панова. Не прицеливается, а прицепивается. У него в карманах золота полно. Все мне предлагается.

Кошкин *(подняв голову от бумаг)*. Какого золота?

Панова. Кольца, браслеты, часы. Объявлено: могу получить, когда хочу.

Кошкин. Ну, вы... гражданка Панова... Слушайте!

Панова. Слушаю, гражданин Кошкин.

Кошкин. Не шутите!

Панова. Не шучу.

Кошкин. Грозной мне кровью спаянный брат!

Молча смотрят друг на друга. Кошкин уходит. Входит Грозной, за ним Дунька.

Дунька. Товарищ Грозной, почему у меня грузовик отнято?

Грозной. Какой грузовик?

Дунька. Только что я всела в машину, а он кричит: «Высядь». Да я еще с позапрошлого года большевичка. Да чтоб я из автомобиля да высела?

Грозной. Убирайся к чертовой матери.

Дунька. Ну, ты, пожалуйста, на баса не бери. Я сама могу на пушку.

Грозной. Да пошла ты! Гм... Товарищ Панова, готовьте бумаги к эвакуации.

Дунька. Да я и до товарища совнаркома доступиться могу. *(Уходит.)*

Входит Колосов.

Колосов. С преддверием праздника, товарищ Грозной.

Грозной. Какого праздника? А, понимаю... Завтра для вас праздник!

Панова. Товарищ Грозной, это у него такая привычка приветствовать.

Грозной. Да ты против белых или против нас?

Колосов. Именно против вас, товарищ Грозной.

Грозной. Ах, ты так, бандит! *(Наступает на него.)*

Колосов уходит. Входит Кошкин.

Кошкин. Ну, Грозной, значит, едем не позже завтрева. Дай курнуть. *(Пановой.)* Печатайте: «Оставляя по требованию стратегии город на самое кратчайшее время, приглашаю граждан сохранять полный...»

Грозной. Эх, Рома, не дали мне с буржуями до конца поиграться!

Панова. Какой вы, товарищ Грозной, жестокий.

Грозной. У революционера, товарищ Панова, сердце должно быть стальное, а грудь железная.

Кошкин. Верно, Грозной! *(Хлопает его по груди.)* О, да у тебя она... золотая, что ли? *(Хлопает.)* Звенит...

Грозной. Очень просто!

Кошкин. А ну, покажь!

Грозной. Ну, так я пошел осматривать...

Кошкин. Да ну, Грозной, покажь, расстегнись!

Грозной. Брось, Рома, шутковать!

Кошкин. Да ну уж, не ломайся, свой!

Грозной. А, пошел ты... Нашел время!

Кошкин *(грозно)*. Товарищ Грозной, расстегнуться! Ну!

Грозной. Да тю на тебя...

Кошкин. Товарищ Грозной, в два счета... *(Целится в Грозного из нагана.)*

Грозной *(выхватив револьвер)*. Ну? Что за шутки!..

Кошкин. Именем революции! Револьвер на стол!

Грозной кладет револьвер на стол.

Что в карманах — на стол!

Грозной выкладывает из кармана золотые вещи.

Ах ты, бандит, Махна! Марш на колидор!

Грозной в сопровождении Кошкина выходит в коридор. Вопль Грозного: «Рома, прости!» Команда Кошкина: «Грозной к стенке! Живо становиться... Раз! Два!..» Выстрел. Входит Кошкин.

(Продолжая диктовать.) Продолжайте... «Оставляя город в полном революционном порядке...»

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина первая

Городская улица. Спешно заканчивается эвакуация. Под городом артиллерийская стрельба сменяется ружейной и пулеметной. В угловом доме, занятом революционными учреждениями, раскрыты все двери и окна. Вдали, у крайнего дома, Дунька торопливо заканчивает погрузку вещей на телегу. Кучки уходящих и остающихся.

Дунька. Подожди, говорю, сатана! Сюды еще можно кушеточку вкласть. Трюмо ложи сверху. Чемайдан становь сбоку. Ну, езжай, да скорей! Ой, господи ж! *(Ушла.)*

Входит Чир.

Чир. «Да бежат грешницы от лица божия». *(Ушел.)*

Входят Кошкин и Елисатов.

Кошкин. Товарищ Елисатов, езжайте в автомобиле.

Елисатов. Нет, дорогой Роман, садитесь вы, пора!

Кошкин. Я уйду последним.

Елисатов. Нет, уж лучше я. Вы слишком нужны революции. Я же буду направлять эвакуацию до последнего момента.

Кошкин. Делайте, что говорю. Вот это живо напечатать и расклеить.

Елисатов уходит, входит Швандя.

Швандя. Товарищ Роман, что же это? Бой под городом. Значит, Жегловский мост не взорван?

Кошкин. Значит.

Швандя. И Вихорь с ребятами не вернулись?

Кошкин. Не вернулись.

Швандя. А это... что же значит?

Кошкин. Все может значить. Бумаги погрузил?

Швандя. Есть.

Кошкин. Ящики перетаскали?

Швандя. Кончаем!

Кошкин. Копаетесь! Гляди, зашьешься. Директива партии: я, ты, Хрущ, Мазухин, Вихорь остаемся на подпольной работе. Ударная задача: взорвать Жегловский мост. И с партизанами не давать покоя в тылу.

Швандя. Есть!

Кошкин. Часть оружия в лесу, часть за школой, в погребе. Связь держим через Яровую. Кончай и тяни ярами на каменоломню.

Швандя. Есть! *(Уходит.)*

Вбегает Любовь Яровая.

Любовь. Что же вы, товарищ Кошкин? Выходы из города заняты.

Кошкин. Знаю. Уходим в зеленые. Которое оружие в погребе, под дровами, беречь до часу.

Любовь. Не беспокойтесь.

Кошкин. Я, товарищ Яровая, никогда не беспокоюсь. Связь держим через заросли на пустыре. Ну, до скорого.

Любовь. До свидания! Торопитесь!

Кошкин уходит. Любовь его провожает. Вбегает Дунька.

Дунька. Ой, господи! Ой, мамочки!

Входит Елисатов.

Елисатов. Что же вы, товарищ Дуня, вернулись?

Дунька. Ой, боже ж мой, да где товарищ комиссар? Там уж не пропущают. Белые дороги займают. Надо на Замостье правиться. *(Ушла.)*

Елисатов. Так правьтесь, а то как бы трюмо не повредили. *(Ушел.)*

Где-то в глубине пробегает Яровой и скрывается. Входят Горностаева и Яровая.

Горностаева *(вслед Яровому)*. А, голубчик! Что? Режь буржуев, как кур?!

Любовь *(увидя вдали Ярового)*. Ай, кто, кто... там?

Горностаева. А это ж самый мой квартирант Вихорь. Грабил, грабил, а удирать пришлось с пустыми руками. *(Ушла вслед за Яровым.)*

Любовь. Не может быть! Показалось... *(Ушла.)*

В дверях показываются два-три красноармейца с ящиком. Увидев приближающуюся Махору, попятились назад. Входит Швандя.

Швандя. Ну, что стали?

Красноармеец. Да вон кого-то черт несет...

Швандя. Ну, это раз плюнуть. *(Бросается к Махоре, обнял ее.)* Ну, прощайте, Анюточка!

Махора. Анюточка! А я ж — Махора!

Швандя. Не вжеж! До чего пахучее имя. Ну, прощайте, не скучайте!

Махора. Да я вас впервой вижу.

Швандя. Именно. Не успели повстречаться, приходится разлучаться. Ну, вы не плачьте, Швандя вернется.

Красноармейцы незаметно для Махоры унесли ящик. Швандя уходит. Проходят граждане. Среди них Дунька. Потом тетка Марья.

Дунька. Ой, боже ж мой! Та где же пред? Пропала небель!..

Марья. Меж теми не было, погляжу меж этими. *(Дуньке.)* А ты опять разрядилась? А? Вишь стог какой на голове снесла. А, да я тебя! *(Бросается к Дуньке.)*

Дунька убегает. Навстречу каптенармус Костюмов.

Костюмов. Что с вами, мамзель?

Дунька. Да вот цепляется самошедшая баба!

Костюмов. За что же?

Дунька. Да так. Безневинно! Заступиться ж некому.

Костюмов. Ах, боже мой! Позвольте нам. Как ваше имя-отчество?

Дунька. Авдотья Фоминишна Кулишова. А ваше?

Костюмов. Каптенармус обоза второго разряда Кузьма Ильич Костюмов. Желательно комнату по соответствию.

Дунька. Так пожалуйте ж! Я ж одна!

Уходят. Пробегает Марья.

Марья. Нигде нету. Ой, побиты, сукины дети!

Музыка. Вдали фигуры белогвардейцев. Входит Шваидя, впопыхах, растерян. Осматривается, пробирается за угол. Навстречу солдат Пикалов.

Швандя. Захлопнули — твою душу... Ты — товарищ аль земляк? Как тебя?

Пикалов. И в товарищах ходил и против товарищей.

Швандя. Наш аль ихний?

Пикалов. Наш. С покрова в пленных хожу. Нынче — те, завтра — эти.

Швандя. Покурить нет ли?

Пикалов. Как бы было...

Швандя. Найдем!

Садятся и закуривают. Доносятся отдельные возгласы. Музыка.

Дальний?

Пикалов. Тульский. А ты?

Швандя. Курский. Село Митревка. Швандя — мы, слыхал, может? Ну, как у вас?

Пикалов. Да так, чуть. Сперва тае, ан не дюже. А у вас?

Швандя. У нас обратно. Сознательный?

Пикалов. Кто?

Швандя. Ты?

Пикалов. Не! Не вписывался. А ты?

Швандя. Я? Упольне! Боле некуды! С Марксой как примерно с тобой.

Пикалов. Чего ж он?

Швандя. Ничего, старичок.

Пикалов. По дворам скоро ль отпустит?

Швандя. Покель, говорит, весь капитал не прикончу.

Пикалов. Мать честная!

Швандя. Сперва, говорит, расейский капитал расшибу, после на заграничный гребнусь.

Пикалов. И-и, едят те мухи! Опять баба сама коси.

Проходит офицер с отрядом.

Офицер. Кто такие?

Швандя. Это мы... Пленный тута.

Вбегает гимназистка.

Гимназистка. Ванечка!

Офицер. Мурка! Вот радость!

Гимназистка. Жив?

Офицер. Как видишь. *(Шванде.)* Веди в контрразведку. Чего расселся?

Швандя и Пикалов растерянно смотрят друг на друга.

Пикалов. Кто ж пленный?

Швандя. Кажись, ты.

Пикалов. Да я надысь уж взятый. На тебя линия.

Швандя. Что ж, веди!

Пикалов. Да куда вести-то? Город чужой...

Швандя. Постой, погляжу. Кажись, в эту сторону. *(Уходит за угол.)*

Оба, оглядываясь и не видя друг друга, быстро убегают в разные стороны. Навстречу Шванде идет Чир.

Дед, что делать? Ремиз! Скрозь дыры заткнуты.

Чир. Ай-ай, раб божий. Как же ты застрял?

Швандя. Дело задержало.

Чир. Какое же?

Швандя. Мирового масштабу.

Чир. Ну, пойдем, раб божий Феодор, выведу. Писано бо: «Днесь со мною будеши в раи».

Швандя. А писано — и ладно!

Идут. Проходит патруль.

Чир. Эй, сюды, братие. Вот это самый красный бес.

Патруль хватает Швандю.

Швандя. Ну, погоди, полосатый юда... Я к тебе из пекла приду!

Чир. А ты с молитвою, с молитвою перед кончиной. Разбойник и на кресте покаялся. Помяни, господи, в раи воина Феодора. *(Уходит.)*

Под трезвон колоколов с хоругвями и цветами буржуазия встречает вошедший отряд белых.

Елисатов. Самое тяжелое было, ваше превосходительство, это спасать от хамов культурные ценности. Нередко приходилось жизнью рисковать.

Генерал. Господа! Будьте уверены, что помазанный хозяин державы российской не оставит без награды ни одной вашей жертвы! В свое время.

Елисатов. Вот не угодно ли объявленьице прочесть!

Из-за угла показывается Любовь. Яровой, увидев ее, в изумлении останавливается, потом радостно бежит навстречу.

Яровой. Люба!

Любовь *(увидав его, остановилась)*. Что... такое?

Яровой. Люба... ты?

Любовь один момент стоит, прислонившись к стене, потом с воплем падает ему на грудь.

Нашел, нашел... Радость моя! Любушка!

Любовь. Постой! Постой! Ты? Не сон? Жив... жив?

Яровой. Жив.

Любовь. Мишенька... Мишенька! Два года оплакивала. Дай, дай посмотрю... Ты болен? Рука висит. *(Рыдая, целует его лицо и руки.)*

Яровой. Пустяки. Война... Ты как?

В толпе проходит Горностаева.

Горностаева. Голубчики, милые! Уже висят мерзавцы! По Дворянской на каждом фонаре по большевику. Вот это власть! Дождались! Дождались, слава богу!

Любовь. Миша, уйдем, уйдем скорее.

Горностаева *(увидев Ярового)*. А! Ты здесь, миленький? Не ушел?

Любовь. Зачем же ты остался?

Яровой. Доброго утра, Елена Ивановна!

Горностаева. Господа офицеры, арестуйте этого негодяя! Комиссар Вихорь!

Генерал. В чем дело, поручик Яровой?

Яровой. Да вот, неблагодарность человеческая! Профессорша бранится: плохо охранял ее имущество. Она не знала, что я жизнью рисковал.

Генерал. Да, уж мы было помянули вас за упокой.

Горностаева. Так вы... наш... наш? *(Радостно жмет ему руку, обнимает.)*

Вводят под сильным конвоем Хруща, Мазухина и других жегловцев.

Яровой *(рапортует генералу)*. Злоумышленники, покушавшиеся на Жегловский мост.

Любовь. Миша? Ты... Неправда! *(Падает.)*

Занавес

Картина вторая

Ночь. Глухая местность: за городом у оврага. Тишина. Потом приближающееся пение Шванди. Он выходит в сопровождении двух конвойных. Остановились.

Первый конвойный. Да где ж он, чертов город? В небе светит, а на земле не видать. Стой, отдохнем.

Сели.

Швандя *(поет)*.

Ох, ты, шельма, ты, девчонка,
Что ж неправдою живешь?

Первый конвойный. На черта тебя сюда за двадцать верст было гнать, раз можно было повесить на месте?

Швандя *(закуривает)*. А может, та местность меня не располагает.

Первый конвойный. А я думаю тебя, бандита, на этой местности прикончить — и квит! Все равно приговоренный.

Швандя. Это, конечно, спасибо за аккуратность. Только сначала в тюрьму меня доставьте.

Первый конвойный. Пока доставишь, рассветет, и повесить тебя за ночь не успеем.

Швандя. А мне не к спеху. *(Поет.)*

Ох, ты, шельма, ты, девчонка,
Что ж неправдою живешь?

Первый конвойный. Брось. Не дери собачью глотку.

Шваидя. Перед смертью требуется прочистить. *(Поет.)*

Говорила: любить буду,
А замуж — обратно идешь.

Первый конвойный. Не пой, говорят тебе, перед смертью.

Шваидя. А после смерти — голосу не хватит. А песня — смерти не помеха.

Первый конвойный. То-то, смерть рукой не отведешь. И все на свете суета и тлен. Вот ты, большевик, немцам продался, капитал с их получил, а на тот свет с собой не унесешь.

Шваидя. Где уж! Не донесешь!

Первый конвойный. Много, видно, загреб?

Шваидя. Средственно.

Второй конвойный. А какую сумму? Кайся уж перед смертью!

Первый конвойный. Авось, бог хоть малость греха скинет.

Шваидя. Каяться-то не вещь, да кабы поп.

Первый конвойный. Попа для вас, христопродавцев, не полагается, а я все ж таки церковный староста.

Шваидя. А! Ну, это подходяще.

Первый конвойный. Ну, вот, говори, как на духу: сколько с ерманца за продажу веры-отечества цапнул?

Шваидя. Да, слава богу, не обидели. За веру по сто гульдов обратно на рыло пришлось, за отечество — оптом стервингами платили.

Первый конвойный. Сколько ж это на царские деньги?

Шваидя. Да тысчонок, как бы не сбрехать, сорок.

Второй конвойный. Ох, чертов буржуй!

Первый конвойный. Где они у тебя?

Шваидя. При себе, конечно, я свой капитал никому не доверяю.

Первый конвойный. А ну, покажь.

Шваидя. Тебе покажи, а ты отымешь.

Второй конвойный. И следует! Пристрелить паразита!

Первый конвойный. Значит, на тот свет унести хочешь?

Швандя. Зачем? Кабы б на этом свете надежному хозяину пристроить. На помин души.

Первый конвойный. Дай сюда. Я — надежный хозяин.

Швандя. Нет, я вот лучше ему: он надежней.

Первый конвойный. Да он батрак! У меня таких-то полон двор был!

Второй конвойный *(первому)*. Ишь ты, живоглот!

Первый конвойный. Ну, давай добром. А я уж за тебя сорокоуст справлю.

Швандя. Сорокоуст маловато, дядя.

Первый конвойный. Давай, говорят! Давай, а то я тебя враз шлепну. Руки вверх, бандит!

Швандя подымает руки.

Где они у тебя? *(Обыскивает, выворачивает карманы.)* Ну? Сказывай точно.

Швандя. Были в карманах, может, обратно, за подкладку.

Второй конвойный. Да там дырки!

Швандя. Значит, вывалились, обратно.

Первый конвойный. Ты что же это, гад, смеяться? Сказывай, где деньги?

Швандя. Деньги у тебя, хозяин. А у меня только душа да вша.

Первый конвойный. Врешь! Как бы не немецкие деньги, не грабил бы да не убивал.

Швандя. Кажись, не я — ты меня ведешь убивать. Да за это же немецкие деньги требуешь, продажная твоя шкура жирная!

Первый конвойный. Брешешь! Я не за немецкие деньги, а за свою землю воюю!

Швандя. И я за то же...

Первый конвойный. За что?

Швандя. За твою землю! Чтоб у тебя отнять да вот ему, товарищу, обратно дать.

Первый конвойный *(в бешенстве вскинул ружье)*. Так ты еще грозиться, бандит? Измываться! Ну-ка, отойди! Спиной, падаль, повернись.

Швандя. Без привычки вряд ли...

Первый конвойный *(ко второму)*. Ты! Бери его на мушку! Что стоишь?

Второй конвойный. А ты не трожь!

Первый конвойный. Что? Стреляй, говорю, не то самого, как собаку.

Второй конвойный *(отскочив и целясь)*. Да я тебя, кулацкая морда, скорей...

Швандя *(схватив первого конвойного за руки)*. Товарищ, стой! Не трать даром пулю, не делай тревоги.

Первый конвойный. Кара...

Швандя *(зажав ему рот)*. Тащи-ка его в сторонку, в овраг.

Уносят первого конвойного в темноту. Быстро возвращаются.

Второй конвойный. Куда ж теперь?

Швандя. Местность знакомая. Располагает. Сюда, товарищ.

Уходят.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Вечереет. С половины действия сумерки. Комната первого действия. Трехцветные флаги. Плакаты, афиши о танцах: «В пользу вооруженных сил юга России». За аркой сидит Панова, Колосов чинит провода. В дверях появляется Любовь Яровая.

Любовь. Что узнали?

Колосов. Ничего. Все утверждают: жегловцам смертной казни не избежать. Ждут только пакета с утверждением приговора.

Любовь. Это мы знаем, не помилуют. Но когда? Сейчас Швандя был от Романа. Он отобьет жегловских товарищей, когда их будут вести на казнь. Необходимо узнать, когда? Где?

Колосов. Казнить будут немедленно по утверждении приговора.

Любовь. Но вот, когда это утверждение будет получено?

Колосов. Может быть, уже получено.
Любовь. Да в том-то и дело! Панова все знает.

Вбегает молодой человек — дирижер танцев.

Дирижер. Господа, сегодня танцы до рассвета!
Любовь. Что?
Дирижер. Что? Танцы с летучей почтой. Я сам дирижирую. *(Поправляет афишу и убегает.)*
Любовь. Я ухожу, чтобы Михаила не встретить.
Колосов. Вы с ним после того не встречались?
Любовь. Нет. Объяснились, и... все. *(Уходит.)*

Входит Панова.

Панова. А в карманах что-то есть.
Колосов. Возможная вещь. *(Вытаскивает два яблока.)* Две вещи. *(Угощает.)*
Панова. В тех комнатах вчера света не было.
Колосов. Все рвутся ваши струны, музыканты его величества. *(Уходит.)*

Входят Кутов и Елисатов.

Елисатов. С приездом, полковник. Давно изволили вернуться?
Кутов. Только что. Прямо с фронта. Здравствуйте, Павла Петровна. Сделал доклад его превосходительству о новой блестящей победе под Селезневкой. Вам известны трофеи?
Елисатов. Как же. Семьдесят пленных и четыре пулемета.
Кутов. Ошибка. Сто семьдесят пленных.
Елисатов. В телеграмме...
Кутов. Исправьте. Четырнадцать пулеметов и, кроме того, девять орудий.
Елисатов. Уже напечатано, но можно «по дополнительным сведениям».
Кутов. Напечатайте также, что состояние духа в армии превосходно. Население же во многих местах чуть не поголовно записывается в добровольцы.
Елисатов. А как у противника?
Кутов. Полное разложение. Три четверти в дезертирах, остальных подгоняют штыками и пулеметами. Гидра революции издыхает, и недалек тот момент, когда весь

русский народ единым сомкнутым строем встанет за единую, неделимую Россию и с криками: «С нами бог...»

Панова ушла.

Елисатов. Привезли что-нибудь?
Кутов. Сахар.
Елисатов. Много?
Кутов. Семь пудов.
Елисатов. Цена?
Кутов. Семьсот тысяч.
Елисатов. Полковник, не жадничайте.
Кутов. Шестьсот — ни копейки меньше.
Елисатов. Мой.
Кутов. Деньги сейчас.
Елисатов. Завтра.
Кутов. Через час и ни минутой позже.

Входит Панова.

Елисатов. Разрешите, полковник, интервью поместить в экстренном выпуске?

Кутов. Пожалуйста. Дорогая Павла Петровна, что нового у наших мерзавцев — благородных союзников?

Панова. Новые моды, новая оперетка. Весь Париж взволнован.

Кутов. Ну ничего, не волнуйтесь, дорогая. Получим вооружение, получим и моды. Аркадий Петрович, вы знаете, скоро прибудет его высокопревосходительство.

Елисатов. Знаю, конечно.

Кутов. Между прочим, в прошлый приезд его высокопревосходительства на улицах почти не было штатского населения. Его превосходительство заметил это...

Елисатов. Неужели? Какая наблюдательность.

Кутов. И просит на этот раз принять меры.

Елисатов. К увеличению штатского населения? Кто же должен принять меры?

Кутов. Ну, все мы, конечно, по возможности.

Елисатов. Слышите, Павла Петровна? Повинность. Но не находите ли, полковник, что срок для выполнения столь серьезного задания слишком мал? При нашей технике...

Кутов. Вы всё шутить изволите?

Входит протоиерей Закатов.

Вот отец протоиерей мог бы также вдохновенным словом...

Елисатов. Разве что словом...

Закатов. Доброго здравьица, господа. Его превосходительство не прибыл? Справедливо ли благовестие о даровании новой победы?

Кутов. Совершенно справедливо. За вами вдохновенное слово.

Закатов. С великой радостью. Тем паче, что торжество сугубо. Сейчас на площади встретил полковника Малинина. Только что с карательной экспедиции: мятежные деревни приведены к сознанию вины и раскаянию. Помните, господа, мое пророческое слово: через сорок дней мы с вами будем слушать малиновый звон московских колоколен.

Входят Яровой и Малинин.

Вот и он, легок на помине.

Малинин. Здравствуйте, господа. Отец протоиерей, прошу благословить. *(Подставляет руки для принятия благословения.)*

Закатов *(благословляя)*. Благословен возвратившийся в мире.

Малинин *(поцеловал руку Закатова, целует обе руки Пановой)*. Сначала одну освященную, затем две божественные.

Закатов. Порядок благолепный, слова же — суетные.

Панова. Фи, как называются ваши духи? Карательные? Вот полковник Кутов мне с фронта привез — прелесть!

Кутов. Поздравляю, полковник, с успехом.

Елисатов. Разрешите интервью?

Малинин. До доклада его превосходительству — не могу.

Елисатов. Хотя бы силуэтно?

Малинин. Ну, если силуэтно...

Елисатов. Что побудило эти деревни скосить помещичьи нивы и разгромить усадьбы?

Малинин. Исключительно большевистская агитация.

Елисатов. Удалось ли захватить агитаторов?

Малинин. Полностью и без остатка.

Елисатов. Какие взяты меры успокоения?

Малинин. Решительные и срочные, оперируя в рам-

Колосов. Может быть, уже получено.

Любовь. Да в том-то и дело! Панова все знает.

Вбегает молодой человек — дирижер танцев.

Дирижер. Господа, сегодня танцы до рассвета!

Любовь. Что?

Дирижер. Что? Танцы с летучей почтой. Я сам дирижирую. *(Поправляет афишу и убегает.)*

Любовь. Я ухожу, чтобы Михаила не встретить.

Колосов. Вы с ним после того не встречались?

Любовь. Нет. Объяснились, и... все. *(Уходит.)*

Входит Панова.

Панова. А в карманах что-то есть.

Колосов. Возможная вещь. *(Вытаскивает два яблока.)* Две вещи. *(Угощает.)*

Панова. В тех комнатах вчера света не было.

Колосов. Все рвутся ваши струны, музыканты его величества. *(Уходит.)*

Входят Кутов и Елисатов.

Елисатов. С приездом, полковник. Давно изволили вернуться?

Кутов. Только что. Прямо с фронта. Здравствуйте, Павла Петровна. Сделал доклад его превосходительству о новой блестящей победе под Селезневкой. Вам известны трофеи?

Елисатов. Как же. Семьдесят пленных и четыре пулемета.

Кутов. Ошибка. Сто семьдесят пленных.

Елисатов. В телеграмме...

Кутов. Исправьте. Четырнадцать пулеметов и, кроме того, девять орудий.

Елисатов. Уже напечатано, но можно «по дополнительным сведениям».

Кутов. Напечатайте также, что состояние духа в армии превосходно. Население же во многих местах чуть не поголовно записывается в добровольцы.

Елисатов. А как у противника?

Кутов. Полное разложение. Три четверти в дезертирах, остальных подгоняют штыками и пулеметами. Гидра революции издыхает, и недалек тот момент, когда весь

русский народ единым сомкнутым строем встанет за единую, неделимую Россию и с криками: «С нами бог...»

Панова ушла.

Елисатов. Привезли что-нибудь?
Кутов. Сахар.
Елисатов. Много?
Кутов. Семь пудов.
Елисатов. Цена?
Кутов. Семьсот тысяч.
Елисатов. Полковник, не жадничайте.
Кутов. Шестьсот — ни копейки меньше.
Елисатов. Мой.
Кутов. Деньги сейчас.
Елисатов. Завтра.
Кутов. Через час и ни минутой позже.

Входит Панова.

Елисатов. Разрешите, полковник, интервью поместить в экстренном выпуске?

Кутов. Пожалуйста. Дорогая Павла Петровна, что нового у наших мерзавцев — благородных союзников?

Панова. Новые моды, новая оперетка. Весь Париж взволнован.

Кутов. Ну ничего, не волнуйтесь, дорогая. Получим вооружение, получим и моды. Аркадий Петрович, вы знаете, скоро прибудет его высокопревосходительство.

Елисатов. Знаю, конечно.

Кутов. Между прочим, в прошлый приезд его высокопревосходительства на улицах почти не было штатского населения. Его превосходительство заметил это...

Елисатов. Неужели? Какая наблюдательность.

Кутов. И просит на этот раз принять меры.

Елисатов. К увеличению штатского населения? Кто же должен принять меры?

Кутов. Ну, все мы, конечно, по возможности.

Елисатов. Слышите, Павла Петровна? Повинность. Но не находите ли, полковник, что срок для выполнения столь серьезного задания слишком мал? При нашей технике...

Кутов. Вы всё шутить изволите?

Входит протоиерей Закатов.

ках сожжения деревень и экзекуции. Впрочем, это не для печати. В печати же прошу отметить, что в трудном двухнедельном походе весь отряд, от командира до последнего солдата, был выше похвал. Все одинаково одушевлены были готовностью пойти за веру — на крест, за царя — на плаху, за отечество — на штык. А за такие ручки *(целует руки Пановой)* — в огонь и в воду.

Панова. Кто же это вас там на плаху? Бабы?

Кутов. Да и штыки в тылу как будто... *(Фыркает.)*

Малинин. Могу вас, дорогая, уверить, что, во-первых, козни большевиков в тылу опаснее, чем их штыки на фронте, во-вторых, мы в тылу на штык не жидовские перины брали и не духи для дам добывали, как это делали на фронте некоторые из ныне фыркающих.

Кутов. А в-третьих, я полагаю, отец протоиерей, что благороднее искоренять жидов на фронте, нежели русских баб в тылу.

Закатов. С одной стороны, да, но с другой и с третьей — особенно...

Яровой. Я предпочел бы, господа, для этих дискуссий пройти в кабинет и освободить от них отца Закатова.

Малинин. Прошу, господа, в кабинет.

Все офицеры проходят в смежную комнату.

Закатов. А как, Аркадий Петрович, относительно дачки? Купить желательно.

Елисатов. Есть, батюшка, именно для вас. Прошу.

Уходят.

Кутов. Баб усмиряете, а под носом жегловцы мост опять чуть не взорвали.

Малинин. Однако не взорвали. И Мазухин с Хрущем мною захвачены.

Кутов. Вами? Все это сделал поручик Яровой, и напрасно вы себе...

Яровой. Господа, прошу вас прекратить это. Момент серьезней, чем вам кажется. Пока не ликвидировали Романа Кошкина, тыл находился под большой угрозой.

Малинин. Ликвидируем. Сейчас получены точные сведения: в Ореховские леса ушел. А этот, как его, ну что при повешении конвойного задушил?

Кутов. Швандя?

Малинин. Да, да, Швандя — в Волчьих оврагах.

Немедленно надо послать отряды в обоих направлениях.

Яровой. Я думаю, вы ошибаетесь, и пока вы будете с отрядами по лесам и оврагам лазить, здесь мосты и склады на воздух взлетят.

Малинин. Здесь необходимо моральное воздействие. Жегловскую шайку повесить не в Жегловке, а развешать здесь по бульвару.

Кутов. Да, это бы дало эффект.

Малинин. Я сейчас испрошу распоряжения его превосходительства. *(Взялся за трубку телефона.)*

Яровой. Я буду настаивать, чтобы этого не было.

Кутов. Но это дало бы такой моральный эффект...

Яровой. Я и сам без всяких эффектов развешал бы этих озверевших рабов, и не только на бульваре, а по всей дороге от Москвы, но сейчас это даст такой эффект, что у ворот же тюрьмы их отобьет тот же Кошкин.

Малинин. Ну, до этого и Кошкин будет в наших руках. А когда они утром увидят на бульваре эту гирлянду, это будет убедительней всяких прокламаций. Поверьте старому опыту.

Кутов. Мы играем в половинную игру. Если террор объявлен, то он должен быть выявлен.

Малинин. Нужно быть тверже по отношению к полубольшевикам. Их надо частью выслать на фронт, частью изолировать здесь.

Яровой. И остаться с Елисатовым.

Малинин. Значит, вы за полубольшевиков?

Яровой. В борьбе с большевиками у меня, кажется, руки не дрожат. И мое мнение...

Малинин *(резко перебивая его)*. Господин поручик, раз навсегда советую вам ваши мнения оставить при себе и точно следовать предначертаниям его высокопревосходительства.

Яровой *(сдерживая гнев)*. Я свое мнение о вас оставлю при себе.

Слышится гудок автомобиля.

Кутов *(посмотрев в окно)*. Его превосходительство.

Все направляются в кабинет генерала. Кутов, распахнув дверь, видит за ней Колосова.

Кто такой? Что тут за дверью делаешь?

Колосов. Мастер. Телефон исправляю.

Кутов. После.

Входит Горностаева с лотком, потом Закатов.

Горностаева. Что же это такое, господа? Поручик Яровой, опять Макса посадили! Третий раз.

Яровой. Когда?

Горностаева. Да сейчас. На улице. Лоток вот мне передали, а его повели в контрразведку.

Яровой *(Малинину)*. Видно, опять у вас Горностаева за Кошкина приняли.

Малинин. Хорошо. Я сейчас по телефону справлюсь.

Уходят все, кроме Горностаевой и Закатова.

Горностаева. Третий раз! Больного человека! Ни за что ни про что!

Закатов. Сударыня, так говорят и невинные и вину имущие. Но власть предержащая отличит овец от козлищ.

Горностаева. Да в чем вина? То хватали: зачем с большевиками работал, а теперь торгуешь сахарином и лимонной кислотой в разнос: зачем спекулируешь?

Закатов. Возлюбленная, не волнуйтесь. Если ваш супруг прав, он будет отпущен с честью.

Горностаева. Да его уже два раза отпускали. Желаю вам такой чести.

Закатов. Что ж? Христос и его святые терпели и голод, заушение и всяческие страсти, и если ваш супруг невиновен, ему зачтется, лишь бы безропотно. Это вам не большевики.

Горностаева. Да пусть уж те сажали бы — разбойники. А это — своя власть! Ждали, ждали — дождались! Вся интеллигенция — в тюрьмах.

Закатов. Интеллигенция, сударыня, несет кару по заслугам своей вековой крамольности. Все, что зрим, ее рук дело. Что посеешь, то и пожнешь. Вот ваш супруг — профессор, а спросите его, что он вещал с высокой своей кафедры? Чему учил юношество? Возвысил ли голос в защиту царя и веры?

Горностаева. Да что вы, батюшка, в меня въелись? Придет профессор, его и спросите, чему он учил. А вот я вас спрошу: вы-то чему научили? Пастыри. Где ваша паства? Профессоров-то горсточка, да им рот закрывали да ссылали, как моего Макса. А вам золотые короны надели, весь народ в науку вам отдали. Научили?

Закатов. Позвольте...

Горностаева. Вам от бога поручено было царя хранить. Мы на вас надеялись. Охранили? И самих-то теперь метлой...

Закатов. Позвольте вам возразить в пяти пунктах.

Горностаева. Гонят вас во всех пунктах.

Закатов. В таком случае начну именно с пункта пятого. Почему ваш супруг при красных открыл вечерний университет, а при белых открыл торговлю сахарином в разнос?

Входит Малинин.

Малинин. Профессор свободен и сию минуту будет здесь.

Закатов. Вот видите, сколь быстро правда обретена. Не подобало лишь ожесточаться и порождать смуту. Интелли-ген-ция! *(Уходит.)*

Входит профессор Горностаев.

Горностаева *(бросаясь к нему)*. Макс, Макс! Что же это?

Горностаев. Видишь, свобода. *(Малинину.)* Могу идти?

Малинин. Да, да, профессор, извините за недоразумение. А ведь мы с вами старые знакомые. Не припомните?

Горностаев. Да, да! Я ваши глаза тоже где-то... Нет, то Дунька...

Малинин. Что такое?..

Горностаева. Это он по рассеянности, всегда так.

Горностаев. Ах, да... вспомнил. *(Всматриваясь.)* Как же, как же! Жандармский ротмистр Малинин. С обыском были, потом в Вятку меня...

Малинин. Вот-вот. А теперь вот освобождать приходится. Старый друг лучше новых двух.

Горностаев. Да, да. Именно. Не плюй в колодец...

Горностаева. Идем, идем, ради бога.

Горностаев и офицеры уходят. Панова несет переписанные бумаги в кабинет. Из соседней комнаты входит Колосов, останавливает Панову.

Колосов. Павла Петровна, что это за бумаги получены?

Панова. Отойдите.

Колосов. О жегловцах? Ради бога.

Панова. А вам какое дело?

Колосов. Только два слова: да? нет? где?

Панова. Вам нужно знать?

Колосов. Да. От вас зависит их жизнь.

Панова. Это как же?

Колосов. Я не могу сказать, но это так.

Панова. Уходите сию минуту!

Колосов. Милая, хорошая, не верю, что вам не жаль.

Панова. Мне жаль, что и вас с ними не повесят. Но если вы сию минуту не уйдете, то разжалобите меня, и вас повесят. Я это сделаю.

Колосов. Сделайте, только скажите, получено утверждение приговора?

Панова. Чир!

Входит Чир.

Монтер кончил работу. Проводите его в кабинет завхоза.

Чир уводит Колосова. В неосвещенном окне со двора вырисовывается силуэт Кошкина в крестьянском платье с лукошком.

Кошкин. Товарищ Панова!

Панова. Кто это, Роман... Что вам?

Кошкин. Ягодки лесной занес. *(Подает кузовок.)*

Панова. Да вы с ума сошли... Вас сейчас схватят.

Кошкин. Получена бумага? Когда вешать? Где?

Панова. Кого?

Кошкин. Ну, живо!

Панова. Не знаю.

Кошкин. Знаете.

Панова. Уходите.

Кошкин *(направляет на нее револьвер)*. Ну? Вы меня знаете. Жизнь жегловских товарищей мне дороже своей.

За дверью шаги.

Панова. Уходите. Сюда идут.

Кошкин. Я этой штучкой не шучу. Жду. *(Исчезает.)*

Входит Чир, напевая: «Царствуй на славу».

Панова. Что вам, Чир?

Чир. Изволили звать?

Панова. Нет.

Чир. Старому человеку иной раз кажется...

Панова. А вы креститесь.

Чир *(крестится)*. Дух хороший от ягоды. Это лесная. Собирает же народ и зеленых не опасуется.

Входит Яровой.

Яровой. Чир, ты что?

Чир. От ягоды дух хороший, говорю, лесной...

Яровой. Это кто же вам преподнес?

Панова. Поклонник.

Чир. Поклоняться только богу подоба...

Яровой. Пошел вон...

Чир уходит.

Можно знать, кто ваш поклонник?

Панова. Нет.

Яровой. Ягоды добыл из района зеленых? Храбрый...

Панова. Не трус.

Яровой. Видно, тут роман.

Панова. Маленький.

Яровой. А этот маленький роман — не с большой буквы пишется?

Смотрят друг другу в глаза.

Панова. А вы — чтец чужих романов?

Яровой. Ревнив я.

В дверях появился Кутов, постоял, послушал и скрылся.

Панова. Так вы ревнуйте к своей жене.

Яровой. Кого?

Панова. Я не доносчик... Не взыщите.

Яровой. Но если на вас донесут... вы тоже не взыщите.

Панова. Право, вы меня с вашей женой смешиваете.

Яровой. Нет, я вас не смешиваю, она не служит в штабе, не отвечает головой за знакомство с зелеными. *(Уходит.)*

Входит Кутов.

Кутов *(сдерживаясь)*. Павла Петровна, я тоже ревнив. Скажите мне, наконец, с кем из этих господ водите меня за нос?

Панова. Плох же ваш нос, если не чует, где правда.

Кутов. Павла Петровна, не мучайте. Еще раз повторяю, я готов бросить к вашим ногам и честь и все, что имею.

Панова. Неужели вы, кроме чести, еще что-нибудь имеете?

Кутов. Кроме чести, я имею сорок тысяч долларов в Лондонском банке, и все это тебе, тебе...

Панова. Господин полковник, я не нижний чин. Прошу на «вы» и не мешать работать. Вы, спасители... родины.

В дверях Елисатов.

Елисатов. Не помешаю?

Кутов *(раздраженно)*. Не помешаете. *(Уходит.)*

Елисатов. Что еще хорошенького у благородных союзников? *(Читает.)* А! Монте-Карло... А знаете, голубка, я вчера опять сто долларов выиграл. А капитан Кульков и обручальное кольцо спустил. Застрелиться хотел, но я уговорил ехать на фронт: там или застрелят, или доллары найдет.

Панова. Отчего вам так везет?

Елисатов. Оттого, что ставлю только на верные. Господа Кульковы ставят на белое — единую, неделимую получить хотят.

Панова. А вы на что ставите?

Елисатов. На все цвета. Из двух неделимых одну-то уж, наверное, получу.

Панова. То есть?

Елисатов. То есть: либо Россию, либо вас.

Панова. Что такое?

Елисатов. Либо в Москве Россию, либо в Париже вас, мою единую и неделимую.

Панова. Не знаю, что вы получите в Москве или Париже, а здесь вы можете получить пощечину, и не единую.

Елисатов. Молнии-то, молнии в глазах сверкают! Ой, как бы громом не ударило.

Панова уходит. Входит Дунька.

Сердечный привет, Авдотья Фоминишна. Что хорошенького?

Дунька. Да вот пропуск на хронт получить.

Елисатов. Что везете нашему доблестному воинству?

Дунька. Да тут того-сего...

Елисатов. Доброе дело, доброе.

Дунька. Да конечно ж. Надо всем до поту-крови. За веру-отечество.

Елисатов. Необходимо. А у меня для вас сахарцу семь пудиков имеется.

Дунька. Почем?

Елисатов. Миллион двести.

Дунька. Тю! Да я вчерась по семьсот тысяч брала.

Елисатов. То — вчерась. А сегодня... Вам, говорите, на фронт нужно? Едва ли это возможно.

Дунька. Вот туда, к чертям. За свое ж любезное да и страждай!

Елисатов. Серьезные операции предстоят, штатских не пускают.

Дунька. Да я ж почти что военная: медаль приделена, муж на хронте.

Елисатов. То муж. У вас же корпус и вся организация тыловая.

Дунька. Ну, миллиён!

Елисатов. Единственно из уважения к фронтовой доблести вашего супруга и вашим тыловым добродетелям.

Дунька. А конечно ж! Он там стражается, а я тут страждаю, а чтоб кто взял в мысли, так никто...

Елисатов. Только я один. Помните, когда еще трюмо ваше так безбожно разбили?

Дунька. Кабы мой каптенармус Кузьма Ильич не успокоил тогда сердце...

Елисатов. Это уж потом. А первый я сказал: вот беззащитная жертва революции, голубка, застигнутая ураганом...

Дунька. Ой, может, и брешете, а против образованности слов чисто не могу выстоять... На нежности ж слаботу имею.

Елисатов. Это от комплекции. Сахар, деньги и пропуск на фронт сейчас.

Дунька. Половину на два дня не поверите?

Елисатов. Горлинка, я сам себе на одну секунду не верю.

Дунька. Так честное ж слово!

Елисатов. Честней моих слов, как известно, нет, а я даже им не верю.

Дунька уходит.

(В дверях.) Вот, капитан, наша патриотка Авдотья Фоминишна рвется... *(Уходит.)*

На улице слышны звуки гимна, возгласы. Входит Любовь и останавливается в тени. Потом появляется Панова.

Панова. Кто это? Чир, вы?
Яровая. Нет, это я.
Панова. А, товарищ Яровая! Вы к кому?
Яровая. К вам.
Панова. Что такое?
Любовь. Я хотела справиться... Не поможете ли.
Панова. В чем?
Любовь. Арестовали моих учеников-комсомольцев. Я хотела к полковнику Малинину, а его нет?
Панова. Нет.
Любовь. Какая жалость... Я подожду.
Панова. Подождите.
Любовь. Павла Петровна, я... о жегловцах... Ваня сказал...
Панова. Послушайте...
Любовь. Вы, вы слушайте!
Панова. Слушаю.
Любовь. Помогите. Скажите, милая... В ваших руках была жизнь таких людей, таких людей...
Панова. Если бы в моих руках была жизнь таких людей, я давно бы их удавила.
Любовь. Не верю...
Панова. Верьте чести: если бы на месте жегловцев были белые убийцы, а на моем — вы, спасли бы вы их?
Любовь. На месте друг друга мы никогда не будем. Но обе мы вдовы, хотите ли, чтобы нас было еще больше?
Панова. О, хочу! Уходите вы...

Чир приносит корреспонденцию, кладет на стол и выходит.

Любовь. Что это?
Панова. Свежая корреспонденция...
Любовь. Может быть, здесь...
Панова. Все может быть. *(Уходит.)*

Любовь быстро подходит к столу. Хочет рыться в корреспонденции. Чир появляется в тени. Она оглядывается и встречается глазами с Чиром.

Любовь. Я к полковнику... А его нет.
Чир. Нет.

Любовь. Я по делу.

Чир. Так.

Любовь. Подождать придется.

Чир. Придется.

Пауза.

Любовь. Дайте мне воды.

Чир. Жаждущую твою душу благочестия напой водами.

Любовь. Не дадите?.. Э, Иуда! *(Хочет выйти.)*

Чир *(загораживая дорогу)*. Не Иуда, Иов — имя мое священное.

Любовь. Пусти!

Чир. Придется обождать.

Любовь. Хорошо. Ты уже в белых?

Чир. И преобразился — и ризы его белы, яко снег.

Любовь. В Христа уже преобразился!

Чир. Нет. Это красные бесы меня в антихриста было преобразили.

Входит Малинин.

Малинин. Что? Зачем сюда?

Любовь. Я зашла... справиться...

Чир. В письмах желают справиться...

Малинин. В письмах? Кто вы?

Любовь. Я учительница. Мне нужно справиться...

Малинин. О чем?

Любовь. Мои ученики вчера арестованы. Мальчики из прекрасных дворянских семейств, воспитанные... Очевидно, недоразумение.

Малинин. Да, бывает. Присядьте, прошу вас.

Любовь. Вот я и зашла справиться... об освобождении. *(Забывшись, жадно бегает взглядом по бумагам на столе.)*

Малинин *(поймал ее взгляд)*. Так вы справляетесь или просите?

Любовь. Да... прошу... пожалуйста.

Малинин. Ваша фамилия?

Любовь. Я... Яровая.

Малинин. Поручику Яровому не родственница?

Любовь. Да... дальняя. Студентом гостил у нас в имении. Но оказался красным, и мы ему отказали.

Малинин. А где ваше имение?

Любовь. Боже мой, где теперь все имения! Когда же, когда, дорогой полковник, вы вернете их нам?

Малинин. Терпение, сударыня, терпение. Все вернем с божьей помощью.

Любовь. Только на бога да на вас и надежда.

Малинин. Мерси, мерси. Стараемся. Так я сейчас справлюсь о вашем деле. Прошу вас минуточку подождать.

Любовь. Пожалуйста.

Малинин уходит, неплотно прикрыв дверь. Любовь подходит к столу и протягивает руку к письмам. Дверь быстро распахивается, в дверях стоит Малинин.

Малинин. Ну-с! Какую вам справку нужно? Говорите начистоту.

Любовь. Я вам ничего не скажу.

Малинин. Вы поручику Яровому действительно не родственница?

Любовь молчит.

(Берет телефонную трубку.) Двенадцать: поручик Яровой у вас? Прошу сию минуту. *(Кладет трубку.)* Значит, отказываетесь отвечать?

Любовь молчит. Входит Яровой.

Яровой. Люба...

Малинин. Ваша родственница?

Яровой. Жена.

Малинин. Вот как? Я не знал.

Яровой. В чем дело?

Малинин. Ваша супруга проявила странный интерес к нашим бумагам.

Яровой. А! Так я и знал... Простите, полковник, это маленькая семейная драма. Моя жена болезненно ревнива. Просто беда! В моей переписке все ищет женщину. Подозревает, что моя амурная переписка идет на учреждение. Люба, выйдем отсюда.

Любовь и Яровой уходят. На улице гудки автомобиля. Звуки гимна.

Малинин. Его высокопревосходительство.

Торжественная встреча главнокомандующего. Почетный караул, музыка. Представители Антанты. Делегации. Матушка подносит хлеб-соль.

Закатов. Позвольте, ваше высокопревосходительство, наш орел-командир, парящий над Россией, принести вам поздравление по случаю победы над Селезневкой. Сии тысячи пленных, огнестрельных орудий и огневредительных пулеметов — залог того, что близок час, когда русский народ изгонит из отечества татей и разбойников, вступит в Москву-матушку и под малиновый звон ее сорока сороков вернет своему помазанному хозяину престол и отечество.

Генерал. Благодарю.

Депутат от помещиков. Мы, ваше высокопревосходительство, люди земли, живем верой, что в тот час, как русская земля в целом будет возвращена ее державному хозяину, она в частях возвратится вся к ее поместным хозяевам, ибо только из частей может сложиться целое. И святая Русь жива, пока жива священная собственность.

Генерал. Благодарю.

Депутат от промышленников. Мы, ваше высокопревосходительство, люди промышленного труда, тоже верим, что ныне разбитая индустрия может быть восстановлена только рукой своего законного хозяина.

Генерал. Благодарю.

Фольгин. Позвольте, ваше высокопревосходительство, от лица служилой интеллигенции вопрос: какая монархия здесь подразумевается?

Генерал. Бла... Кого?

Фольгин. Если конституционная, мы приветствуем, но если самодержавие...

Генерал смотрит на Фольгина злыми, выпученными глазами, шея багровеет. Он проходит в кабинет. За ним идут Закатов и другие.

Малинин. Господин Фольгин, какая бестактность.

Фольгин. Но я всю жизнь мечтал о конституции.

Малинин. А я всю жизнь боролся с конституцией.

Все уходят.

(Незаметно остается, Пановой.) Дорогая моя, итак, сегодня танцуем до рассвета?

Панова. До восхода солнца.

Малинин. Вы — мое солнце. *(Целует руки.)*

Входит Кутов.

Кутов. Господин полковник, что ж это... К его высокопревосходительству... забыли? Я вам не вестовой.

Малинин. Хорошо. Я буду помнить. *(Уходит.)*

Кутов *(в гневе)*. Ладно. Вспомню и я... Павла Петровна! Или я, или он...

Панова. Да? А если ни вы, ни он?

Кутов. Павла Петровна! Бросьте опасную игру.

Панова. Чем бросать, попробуем еще несколько комбинаций.

Кутов. Например?

Панова. Например, если не вы, а он?

Кутов. Так я убью его.

Панова. А если и вы и он?

Кутов. Так я вас убью.

Панова. О! Не слишком ли много у меня на сегодня убийц?

Кутов. Павла Петровна, осторожней у порохового погреба. Я ведь знаю о ваших связях с красными.

Панова. Все знают, почему я служила у красных.

Кутов. Ну, так вот. *(Тихо.)* Сегодня у меня, или завтра в этом вопросе будет разбираться контрразведка. В восемь часов.

Панова. А! *(Сквозь зубы.)* Хорошо...

Кутов целует ей руку и уходит. Входит Любовь.

Любовь. Я к вам от Романа... В последний раз...

Панова. Неужели в последний?

Любовь. Получено?

Панова. Получено.

Любовь. Где же?

Панова. У полковника Кутова в портфеле.

Любовь. Это... верно?

Панова. Да, да!

Вбегает Дунька. Любовь уходит.

Дунька. Елисатового тут нету, барышня?

Панова. Нету, барышня.

Дунька. Я-то уже не барышня, признаться.

Панова. А вы не признавайтесь.

Дунька. Ну, этого уже платочком не закроешь. Так не жулик же, сукин сын, Елисатовый? Сахар пополам с песком. За свое ж любезное, да и страждай у черта собачьего. Ой, господи ж! *(Убегает.)*

Входят Елисатов и Кутов.

Елисатов. Мы, говорю, ваше высокопревосходительство, люди чести, долга и жертвуем для отечества личными интересами.

Панова. Вами Дунька сейчас интересовалась. Жулик, говорит, и чей-то сын.

Елисатов. Все мы сыны России, Павла Петровна!

Панова. Нет, она несколько иначе вашу генеалогию выводит.

Елисатов. Я ее отсюда выведу! В какую дверь она вышла?

Панова показывает.

Я ее найду! *(Уходит в противоположную дверь.)*

Кутов. Оканчивайте вашу работу. Я иду домой.

Панова. Хорошо. Идите и подождите меня в скверике. Я скоро.

Кутов. Мерси. Жду. *(Уходит, встретив в дверях Любовь.)*

Любовь остановившись, смотрит ему вслед. Входит Яровой.

Яровой. Павла Петровна, генерал просит вас к себе с иностранными газетами.

Панова уходит.

Зачем ты здесь?

Любовь хочет уйти. Яровой загораживает дорогу.

Постой!

Любовь. Арестуешь?

Яровой. Люба... Боже мой... Окончи пытку! Встретились и расстались. Не хочешь видеть? Уже месяц каждую ночь у тебя под окнами хожу...

Любовь. Две ночи не ходил.

Яровой. А... когда?

Любовь. Когда в суде заседал. А наутро на фонарях висели.

Яровой. Люба... где ты, что беззаветно верила в меня?

Любовь. Где ты?

Яровой. Здесь, с тобой! С той же правдой.

Любовь. Та правда у меня.

Яровой. Тебе подменили ее! Пломбированные фокусники. А я тот же, что был, клянусь тебе.

Любовь. Я раньше поклялась твоей памятью смертельно ненавидеть то, чем ты стал.

Яровой. За что же это проклятие на нас?

Любовь. За что?

Яровой. Выслушай же, как прежде слушала.

Любовь. Не того человека я слушала.

Яровой. Ты не слушаешь — чем-то другим взволнована.

Любовь. Все твои убогие слова я знаю: «Мы шкурники под видом революционеров. Мы предали благородных союзников. Мы отверженные миром Каины, братоубийцы, погромщики, черносотенцы».

Яровой. Нет, хуже. У тех хоть религия и родина, у этих только шкура и брюхо.

Любовь. Прощай. *(Хочет уйти.)*

Яровой. Подожди. Ты очень мало читала, Люба.

Любовь. Да. Но ты мало видел.

Яровой. О, как много! Под Замостьем мы шли в атаку. Вдруг кучка клейменых шкурников крикнула: «Долой войну!» Один мне штык в спину, другой — пулю в руку, и побежали назад. Немцы подобрали меня, вылечили и показали, как народ, давным-давно завоевавший подлинную свободу, которая нам еще не снилась, как этот народ делает сейчас революцию подлинную и защищает культуру. Для этой свободы я, помнишь, не щадил ни себя, ни тебя... Не буду щадить и тех, кто эту свободу захаркал и потопил в народной крови. Война до конца...

Любовь. Под командой тех самых охранников.

Яровой. Это — кучка обреченных. Сухие листья, закружившиеся в вихре, а мы обойдемся своими.

Любовь. Палачами?

Яровой. Палачи — там.

Любовь. На ваших фонарях.

Яровой. На то фронт. И на ту сторону фронта я тебя, Люба, не пущу. Не затем я тебя нашел. Ведь это же противоестественно: нам с тобой разными дорогами идти. Найти друг друга, чтобы тотчас же потерять.

Любовь. Хуже. Дороги не разные. Столкнулись на одной дороге, и одному из нас в пропасть лететь.

Яровой. Люба, я этого не допущу.

Любовь. Где тебе! Мы уже не прежние: я сильна, ты жалок.

Вбегает Елисатов. На улице шум. Входят публика и Панова.

Елисатов. Господа, несчастье! Полковник Кутов убит.

Голоса. Как? Где?

Елисатов. Сейчас, за углом, в скверике. По-видимому, оглушен чем-то.

Голоса. Ограблен?

Елисатов. Нет, только портфель взят.

Яровой смотрит на Любовь и Панову.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Вечер. Городской бульвар. Павильон-кафе с прохладительными напитками. Оркестр. Публика. Торговцы газетами, папиросами и прочие.

Продавец газет. Последние известия, вечерний выпуск. Небывалая победа!

Продавщица папирос. Папиросы высшего сорта. Очень дешево.

Продавец газет. Последние известия, вечерний выпуск. Небывалая победа добровольческой армии. Конец большевикам!

Продавец папирос. Самый высокий сорт папирос; самая низкая цена. Десять штук десять тысяч...

Продавец газет *(незаметно продавщице папирос)*. В час у Яровой в школе.

Продавщица папирос. Есть. Папиросы высшего сорта.

У чистильщика сапог стоит барынька и напевает.

Барынька. «Все, что было, все, что мило, все давным-давно уплыло».

Офицер *(стоит рядом с барынькой)*. Пойдемте, милая. Я вас прошу. Пойдем... *(Платит чистильщику деньги и уходит к столикам, где полно пьяных офицеров и оголенных женщин.)*

Продавщица цветов. Пожалуйста, хризантемы свежие... Левкои душистые.

Горностаева. Сахарин, сода, горький перец, лимонная кислота.

Продавец газет. Последние известия, вечерний выпуск.

Продавщица папирос. Папиросы высшего сорта, очень дешево. *(Незаметно чистильщику сапог.)* В час у Яровой в школе...

Чистильщик сапог *(как бы ничего не слыша)*. Есть гуталин, резинки, шнурки хорошие! Дешево! Есть гуталин...

За столом сидит Елисатов, перед ним план.

Голоса. Господин Елисатов, мне, пожалуйста, еще участочек в первом ряду.

— Это уж жадность! Господин Елисатов, участок в первом ряду прошу оставить за мной.

Елисатов. Господа, продажа свободных участков будущего курорта «Аркадия» заканчивается. Идут в продажу последние участки.

Первый господин. А позвольте взглянуть на план, где именно мой участок?

Елисатов. Извольте. Вы на месте были? Так вот — огромное здание курзала.

Первый господин. Это где сейчас густой бурьян?

Елисатов. Нет, где бурьян, там будет английский парк, а это — где сейчас свалки, прекрасно удобрено.

Первый господин. Хорошо, за мной, пожалуйста, извольте задаток.

Закатов. Я бы хотел еще один участочек в первом ряду.

Елисатов. К сожалению, это последний.

Матушка. Господи! Как же так?

Елисатов. А вы возьмите, матушка, во втором. Чудный участок! Вот. Рядом с будущим «Фонтаном грез». А на первый — вот вам запродажная.

Закатов. Учиняй, мать, расчет.

Матушка дает Елисатову деньги, получает бумагу. Подбегает второй господин.

Второй господин. Господин Елисатов! Для меня оставлены два участка?

Елисатов. Ни одного, господа. Продажа участков на будущем курорте «Аркадия» закончена. *(Свертывает план. Прячет деньги.)*

Второй господин. Но ведь я же за родину живот кладу!

Елисатов. Все мы живот кладем. В крайнем случае, есть каракуль, крупа, только оптом.

Второй господин. Итак, барон, дело сделано: за ваш петербургский особняк имеете мою крымскую дачу и пять фунтов сахару.

Барон. Позвольте, а костюм? И потом, чтобы не монпансье, а именно сахар!

Из павильона выходит Панова, за ней заметно выпивший Малинин.

Панова. Вот луна всходит. А я не могу уж мечтать. Русская луна... Такая же, кажется, грязная, заплеванная, как и земля...

Малинин. Ничего, мы ее вычистим и вернем вам еще круглее.

Панова. Благодарю вас. А вы когда круглый дурак, пьяный или трезвый? Не сердитесь, это я на свой счет. Вот и выпила, а дура. А раньше я была умна. Это оттого, что я так дурно одета. Дурно одетая женщина не может быть умной.

Малинин. Павла Петровна, верните мне жизнь, а я одену вас, как царицу.

Панова. Верните мне жизнь, а я сама оденусь... как Панова.

Малинин. Как Пава, Павочка...

Панова. Полковник, забываетесь...

Малинин. Нет-с, я и во сне не забываю, что я полковник и — жандармский.

Вбегает дирижер танцев.

Дирижер. Господа, танцы продолжаются! Ле кавалье ангаже ле дам! *(Пробегает.)*

К Пановой подскакивает офицер.

Офицер. Павла Петровна, прошу! *(Уводит ее на танцы.)*

Малинин побежал за нею, но его остановил подошедший Яровой.

Яровой. Полковник Малинин!

Малинин. Я.

Яровой (*тихо*). Продолжайте здесь веселиться, но прошу держаться настороже.

Малинин. А что, напали на след убийц?

Яровой. Как сказать...

Малинин. Но зачем им именно полковник Кутов понадобился?

Яровой. Загадка! В портфеле что-то искали.

Малинин. Но портфель подброшен, и все бумаги целы.

Яровой. Пока определенного ничего сказать не могу.

Малинин. Но до чего обнаглели! Надо сегодня же ответить: утверждение приговора получено, и жегловцев надо на рассвете же по бульвару развешать.

Яровой. Да, Кошкин именно этого и ждет.

Малинин. Кошкин далеко.

Яровой. Кошкин здесь.

Малинин. То есть как здесь?

Яровой. Думаю, в городе. И думаю, с Кутовым — его дело.

Малинин. Так-так. Что же, по-вашему, с жегловцами подождать?

Яровой. Непременно. Кошкин что-то готовит. Какой-то узел завязывается, а концов не поймаешь. Мы с ним сейчас гоняемся друг за другом по заколдованному кругу.

Малинин. Да, я тоже это чувствую.

Яровой. И я прошу вас держать отряд наготове. Я усиливаю патруль и караул.

Малинин. Да, да, пожалуйста.

Яровой. С фронта что?

Малинин. После тревожных дневных сведений — ничего.

Яровой. Вот как... Смотрите же, быть начеку. (*Уходит.*)

Расталкивая встречных, бежит Марья. Толкнула Малинина.

Малинин. Я те, дура старая, толкну!

Марья. К грецу! Семку люди видали.

Крики ужинающих на веранде.

Голос. За здоровье августейшей царствующей фамилии!

Марья. Чтоб ты ею подавился!

Голоса. Ура!

Малинин. Что ты, бабка, сказала?

Марья. А что я сказала? Ничего я не сказала.

Малинин. Эй, патруль!

Марья. Что я сказала? Только и сказала одно слово: «Чтоб ты ее не скушал!»

Малинин. Кого — «ее»?

Марья. А я знаю, что там кушают?

Малинин. Скушаешь у меня шомполом. *(Подошедшему Семену.)* Взять ее!

Семен. Ма... мам... мамаша...

Марья. Ой, кто ж это?

Семен. Это я, Семен Скопцов! Здравствуйте, маманя! *(Целует ее.)*

Марья. Ты... А глаз где? Сукины же вы сыны... Чтоб вам так легко дыхалось, как я вас ищу! Чтоб вам так на том свете...

Малинин. Ну, счастье твое, что сын — инвалид. *(Уходит в павильон.)*

Марья. Чтоб твоему сыну такое счастье. А Гришка где?

Семен. Сам его ищу, маманя... Под землей найду! Я с его получу. И пару коней, что он загнал, и сто восемь пудов пшеницы, что он в земле откопал. Все хозяйство верну. Под землей найду. Я из его по жилочке коней вытащу, пшеницу по капле крови выточу.

Марья. Да он, чай, в могиле!

Семен. Найдем и в могиле. Все концы сыщу, а свое трудовое верну. Он, бандит, где был, когда я потом-кровью наживал? По былочке откладывал. Грамотный, у купца на легких хлебах! Да сам же купца к стенке! Да родного брата грабить! Я двадцать лет бился, а он в одну ночь решил.

Марья. Аспиды же вы! Один глаз остался.

Семен. Ништо. Я ему оба закрою.

Марья. Ну, неклятые ж! Пойдем, лепешек испеку...

Семен. Нельзя, я в наряде.

Марья. Так я сюды принесу, аспиды вы клятые! Один глаз. Как я тебя, кривого, женить буду! *(Уходит.)*

Проходят в тени Любовь и Колосов.

Любовь. Чего же ждать?

Колосов. Кажется, в эту ночь. Есть признаки подготовки к казни.

Любовь. То есть?

Колосов. С вечера в тюрьму введен отряд. А Чир у себя поминальную кутью варит и на «последнее целование» ирмосы поет. Это всегда перед казнью. *(Идет.)*

Любовь. Ступайте скорей, сообщите Роману. Буду ждать указаний за школой.

С веранды сходят Фольгин и Елисатов.

Фольгин. Господи! Спасение только в гуманных законах!

Елисатов. Что же вы кричите?

Фольгин. Только законом можно остановить реакцию.

Елисатов. Реакцию как раз незаконно останавливать: она противодействие, равное действию, и должна остановиться только там, где велит закон природы.

Фольгин. Народ ее остановит.

Елисатов. У народа как раз сейчас стихийная реакция. *(Расплачивается с лакеем и сходит с веранды.)*

Навстречу Горностаев с колотушкой.

Добрый вечер, профессор.

Горностаев. Добрый вечер.

Елисатов. Вы что это?

Горностаев. Что я? По вооружению, видите. А вы что?

Елисатов. Я безоружный. Беречь нечего: нищ!

Проходит Закатов.

Закатов. Блаженны нищии, яко тии наследят землю.

Елисатов. Пусть другие наследят. Мое дело было — продать. А что же ваша торговля?

Горностаев. Кончена. Жена магазин и все дело на себя взяла. Меня за кусок хлеба в сторожа Дунька определила. Господа, какое прекрасное время для языка: он приобретает великую первозданную буквальность. Магазин жена на себя взяла — буквально. Вот она! Кусок хлеба мне — тоже буквально... Вот он!

Фольгин. Представьте, верно! Меня сегодня выгнали на улицу — тоже буквально. Вселили в комнату

двух сыпнотифозных. Доктор сказал: если заражусь с моим сердцем — верная смерть. А они оба в бреду, в грязи, вши...

Закатов. Да-а, русский народ — великий юродивец. В смраде и язвах, в скверне дел валяясь, возвещает миру чистую, святую правду! Да, Россия новую правду в кровавых муках родит.

Елисатов. Это уж вы не буквально, спорный символ: возможно, это не роды, а кровавый понос.

Горностаев. Отчего понос?

Елисатов. Мало ли. От неумеренного употребления свободы, например.

Фольгин. С такими убеждениями жить в России... *(Ушел.)*

Елисатов. Где Россия? Где убеждения?

Закатов. Не убеждения, но вера. Народ-богоискатель жадно ищет правду божию.

Горностаев. Да, да... Признаков правды!

Елисатов. У меня семь раз искали. Полы ломали. Все взяли на богостроительство. Даже мебель унесли богоносцы.

Закатов. Бог вам сторицею воздаст.

Горностаев. Да, да... *(Всматривается в него.)* Это вы... дачестроитель?

Елисатов. В каком смысле?

Горностаев. Аферист... Пустоземельный...

Елисатов. Профессор, позвольте, это уж слишком буквально.

Горностаев. А? Извините... Может быть, другой?

Елисатов ушел. Входит Колосов.

Но признак моральной дегенерации: блеск диалектики при потухшей этике.

Быстро входит Фольгин.

Фольгин. Дорогой профессор, мне нужен совет...

Горностаев. Совет?

Вдали голос Горностаевой: «Сахарин, горький перец, лимонная кислота!»

Скажите, кто это выкрикивает?

Колосов. Это — ваша жена.

Горностаев. Какой неприятный голос!

Фольгин. Профессор, я по важному делу.

Горностаев. Да? Пожалуйста. Вы что? Бриллианты или мука?

Фольгин. Нет, я честный человек. *(Обиженно.)* Только член здешней земельной комиссии.

Горностаев. В чем дело?

Фольгин. Дело в том, что у каждого человека в бесконечности идут свои часы... Идут, отсчитывая на голубом циферблате его сроки. Золотая стрелка моих часов подошла к черной цифре.

Горностаев. Говорите кратко, прозой.

Фольгин. Меня вошь укусила.

Горностаев. Это... буквально или символ?

Фольгин. Какой там символ! Сейчас снял... Что дальше делать?

Горностаев. Почешитесь... белье...

Фольгин. Тифозная! Через две недели меня не будет!

Горностаев. Ну, это еще не наверное.

Фольгин. Наверное... Это так ново и велико. Две недели жизни, и потом — прах, ничто. Но две недели мои... Я безграничный властелин, без страха перед будущим. Я ведь теперь все могу: грандиозный подвиг, небывалую подлость, террористический акт, землю взорвать! И все это ничто перед вечностью, в которую я вступил после укуса! Дайте же совет!

Горностаев. А вы чем занимались до укуса?

Фольгин. Служил в Палате и всегда мечтал о конституции, хотя и тайно.

Горностаев уходит, стуча колотушкой.

Колосов. Слушайте, как раз для вас дело. Грандиозный подвиг.

Фольгин. А именно?

Колосов. Спасти пять человек! Сегодня их должны казнить.

Фольгин. Так это — большевики?

Колосов. Да, пять человеческих жизней!

Фольгин. Но здесь сталкиваются два принципа: спасение человека и помощь большевику! Надо обдумать!

Колосов. Да нет времени думать!

Фольгин. Для мысли всегда должно найтись время.

Все уходят. Входит Панова, навстречу ей Любовь. Одета простой бабой.

Панова. А, Люба, дорогая! Тоже на танцы? Но разве нынче костюмированный бал?

Любовь идет.

Куда же вы? Стойте! Простите за вопрос.

Любовь. Что вам?

Панова. Неужели пакета с утверждением в портфеле Кутова не оказалось?

Любовь. Вам лучше знать.

Панова. Нет, уж вам лучше знать.

Любовь. Знаю: Кутов чем-то на вашей дороге стал.

Панова. А я знаю, что вы на его дороге стали. И сейчас об этом узнает, кто следует. Благородных защитников родины из-за угла убивать? Нет, довольно! Пожалуйте-ка, Шарлотта, со своими жегловцами на фонарики-сударики!

Любовь *(подошла к ней)*. Ну что ж, кончайте! Вам давно бы этим заняться.

Панова. О да, я знаю: вам смерть не страшна. Но я создала бы для вас что-нибудь пострашней смерти.

Любовь. Вы это уже создали для себя — пляшущие мертвецы. *(Идет.)*

Панова *(вслед, сквозь стучащие зубы)*. Так спляшешь ты у меня!

Подходит Елисатов.

Елисатов. Павла Петровна, за вами последний вальс. *(Уводит Панову.)*

Любовь *(за деревом натолкнулась на Чира)*. И ты здесь, гад?

Чир. Господь-ревнитель и мститель повеле очистить землю от богатых, домы вдов пожравших, и от нищих, бога изгнавших.

Любовь. А от тебя? *(Уходит.)*

Чир *(тихо бредет вслед)*. Помяни, господи, о здравии бесноватую Любовь, блудницу Павлу, льстеца Аркадия...

Проходит Яровой.

Ваше благородие!

Яровой. Ну?

Чир. Слово о господе имам.

Яровой. Что такое?

Чир *(уходя вместе с Яровым, шепчет ему)*. Сейчас

две дщери вавилонские говорили о некоем утверждении портхвеля.

Горностаева *(у павильона)*. Сахарин, самый лучший, в кристаллах...

Подходит Колосов.

Колосов. Позвольте пакетик.

Горностаева отпускает. Подходит баронесса, вытирает платком заплаканные глаза.

Баронесса. Боже мой! Боже мой!

Горностаева. Баронесса, что с вами?

Баронесса. Разве не слыхали? Петербургский особняк променял! На костюм и сахар польстился. Не могу. Я слишком благородна!

Горностаева. Милая, ваш хоть что-нибудь выменял. А мой проторговался, как дурачок. Купят у него соды, а он сахарину отпустит. Дадут тысячную бумажку, а он пятитысячную сдачи... Доторговался — днями хлеба не видали.

Баронесса. Мы — тоже... С утра только чай... Вернемся в Петербург, хоть в гостинице останавливайся! *(Плачет.)*

Колосов. Позвольте вам предложить. *(Достает из сумки и подает белый хлеб.)*

Баронесса. Что такое?

Колосов. Пожалуйте, не откажите.

Баронесса. Но я вас даже не знаю..,

Колосов. Ничего. Хлеб свежий.

Баронесса. Право, неловко...

Колосов. Позвольте, разрежу. *(Подает Горностаевой.)* Прошу вас.

Горностаева. Нет, зачем же... Хоть я вас, кажется, встречала... А что же вы сами?

Колосов. Ну! Я сыт и, кроме пирожного, ничего не хочу.

Горностаева. Вишь вы, лакомка!

Баронесса. А вы, Елена Ивановна, любите браун-швейгское пирожное? Какая это прелесть! К желткам да мускатного ореха.

Горностаева. Нет, а слоеный торт с фруктами.

Говорят быстро, захлебываясь.

Баронесса. А потом померанцевые корки... Паль-

чиком ямочки и туда маслица с белком, спрыснуть розовой водой и заглассировать... Это такой аромат был... Бывало, графиня...

Горностаева. Слоеное тесто кружочками... Края смазать яичком, а в середине засахаренные фрукты... Ах, как они у меня удавались! Бывало...

Баронесса. И подумать только: вернусь — и столовая и буфетная — все чужое. *(Плачет.)*

Колосов. Ну... успокойтесь. Груша вот.

Баронесса. Отец Закатов говорит: «Через шесть недель».

Колосов. Врет ваш Закатов. Успокойтесь.

Баронесса. Как вы смеете!

Горностаева. Кто же, по-вашему, не врет?

Колосов. Я.

Баронесса. Так когда же в Петербурге будем?

Колосов. Ну... не скоро.

Горностаева. Через год, скажете?

Колосов. И этого не скажу.

Баронесса *(кричит)*. Так вот вы кто!

Горностаева. Наглость какая!

Баронесса. Я сейчас закричу, чтоб тебя арестовали.

Колосов. Вы покушайте сначала.

Баронесса. Меня не закормишь.

Подбежали на крик господа.

Первый господин. В чем дело, баронесса?

Второй господин. Что случилось?

Баронесса. Да вот большевик открытую пропаганду ведет.

Горностаева. Хороша власть!

Второй господин. Что такое?

Первый господин. Где? Этот? Я сейчас охрану крикну.

Колосов. Ого... Приятного аппетита! *(Убегает.)*

Первый господин. Держите, держите, большевик!

Общее смятение и крики. Пробегает Чир, потом Дунька.

Чир. Бей, братья, Сима, Хама и Ахвета!

Дунька. Ой, господи ж! Да куда же теперь! Гарнизуйтеся!

Голоса. Где большевик?

— Кто большевик?
— Да что ж это такое?
— Большевики под городом!

В тени домов появляется н а р о д. Среди них Л ю б о в ь, П а н о в а. Радостный шепот мешается с тревожными восклицаниями.

— Наши подходят!
— Товарищи, жегловцев выводят!
— Товарищи, выручать!
— Извозчик, на вокзал!
— Сто тысяч!
— Уже на Собачьей слободке...

Г о л о с а. Кошкин баронессу зарезал!
— Всех их надо оптом!

Возле Любови кучка рабочих.

Л ю б о в ь. Товарищи, спокойно! Тревога ложная. Жегловцев надо отбивать.

Г о л о с а. Чем? Голыми руками?
— То-то кабы оружие...

Л ю б о в ь. Ступайте на пустырь за школой. Ждите.

Проходит о ф и ц е р.

О ф и ц е р. Разойдись! *(Подбежал к Любови.)* Ты что тут делаешь?

Л ю б о в ь. Спекулирую, ваше благородие.

О ф и ц е р. Чем?

Л ю б о в ь. Чем бог послал. Булочки, вот вчерашняя горячая печенка. Купи, родимый.

О ф и ц е р. Проходи, проходи... *(Солдату.)* Разогнать! *(Уходит.)*

С о л д а т. Разойдись, чего стоишь? *(Любови.)* Тетка, разойдись, что стала?

Л ю б о в ь. Тут, родной, и тетки, и сестры, и братья твои кровные. Становись за правду свою, а не за барскую биться.

Прошел Я р о в о й, услыхал, схватился за кобуру, бросился на разговор, встретил лицом к лицу Любовь; молча расходятся.

П е р в ы й о ф и ц е р *(пьяный, бежит вперед как угорелый, стреляя вверх и махая шашкой, отчего паника еще больше)*. Прорвались? Где? Перестреляю всех, как собак.

Второй офицер. Стой, Восток. Ты что, ошалел? Опомнись.

Первый офицер. Где, где большевик?

Второй офицер. Да опомнись, дьявол!

Дунька. Ой, господи, куда ж теперь, товарищи родные? Господа, гарнизуйтесь!

Появляются Малинин, Яровой и другие офицеры, штатские успокаиваются.

Голоса. Господа, успокойтесь!

— Никаких большевиков нет.

— В городе все благополучно.

— На фронте прекрасно.

Малинин. Музыканты, гимн!

Доносятся звуки гимна. Все успокаиваются.

Дунька. Товарищи проклятые! Какого кавалькаду наделали! Аж кишки взбунторажили!

Проходят Горностаева и баронесса, окруженные публикой.

Возгласы. С чудесным избавлением!

— Неужели это был сам Кошкин?

Горностаева. Именно Кошкин! Клянусь!

Баронесса. Кошкин! Кошкин!

Горностаева. Я же его отлично помню! Когда мужа арестовали! Еще там электрический монтер был... Как же мне Кошкина не узнать?

Появляется Елисатов.

Баронесса. Спачала хлебом хотел подкупить. «Я, говорю, слишком благородна!» Вдруг он как взмахнет ножом...

Елисатов. Вы русская Шарлотта Корде! Выше! Та только ножом поразила революционера, вы же революционера, занесшего нож, словом поразили!

Цветочница. Иммортели. Душистые левкои!

Бульвар постепенно стихает, проходят деловые люди. Слышны отдельные фразы, вроде:

— Сто пудов бумаги хотите?

— Бриллианты куплю...

— Кукурузная мука...

— Двести долларов. Ваша доставка.

— Господа, вступайте в рабочий офицерский отряд!

— Надо опираться на массы!

— Вздор! Не на массы; на религию надо опираться; записывайтесь в отряд его преосвященства.

— Уверяю вас, в Париже теперь только короткие-короткие юбки носят.

— Мусичка, ошибаетесь!

— Клянусь, и полное декольте!

В кустах ползком пробираются Кошкин и Колосов. Некоторое время не видят друг друга, потом встречаются.

Кошкин. Колосов!

Колосов. Товарищ Роман! Я к вам от Любы. Что ж вы здесь на глазах: за вами Яровой охотится.

Кошкин. Ну, это мы еще поглядим, кто тут волк, кто охотник. А ты чего тут зайцем путаешься?

Колосов. Люба ждет вас с товарищами у школы. По-видимому, казнь в эту ночь... Опять кровь...

Кошкин. Али трусишь?

Колосов. Нет, страха я никогда не знал. Только чужой крови боюсь.

Кошкин. Так что ж ты в чужую кровь лезешь?

Колосов. Я хочу, чтобы не было ее.

Кошкин. Да ты что? Ай мешать вздумал?

Колосов. Помочь, помочь человеку остановить свою кровь. Я уже шесть лет на войне. Я увидел... люди истекут кровью, если ее не остановить любовью.

Кошкин. Что ж, останови! Я тоже, брат, видал кровь и увидал — кровь разная бывает. Бывает кровь чистая, а бывает гнилая: ее выпустить надо.

Колосов. Неправда.

Кошкин. А ты ее, правду, нашел?

Колосов. Ищу.

Кошкин. А я нашел. С мальчиков шел по ее следам, покель выследил: в барских хоромах прячется. И дверь от нас на запор. Я ее оттеда выкурю. За хвост да на солнце. Я ей, правде вашей, зубы посчитаю.

Колосов. Это вы не правду нашли.

Кошкин. Угадал: неправду. Снеси ответ Любови, скажи, в час у ней явка.

Колосов. Хорошо. Только уходите. Вам здесь опасно.

Кошкин. А где ж мне не опасно? Чудак. Ступай, а мне еще нужно Швандю дождаться.

Колосов ушел. Из переулка крадется Швандя.

Швандя, ты?

Швандя. Есть, товарищ Роман.

Кошкин. Я уж думал, ты тут заблудился.

Швандя. Будто я эту улицу не знаю, как родную мать. Будто не на третьем отсель фонаре меня вешали.

Кошкин. К делу. Всем им скоро крышка. Позиции еще днем взяты. Под Усенью белые в мешке, прочие бегут. Завтра здесь будут. Сейчас главное задание — не дать тюрьму.

Швандя. Не дай. Весь гарнизон на ногах.

Кошкин. Поглядим.

Швандя *(после некоторой паузы)*. Надо, товарищ Роман, зараз же массы поднять!

Кошкин. Ну, это ты хватил: поди подыми.

Швандя. Раз плюнуть!

Проходит патруль.

Кошкин. Тсс...

Швандя. Что оно такое, товарищ Роман? В наших местах молодой месяц белый колер оказует, а тут обратно! И ежели сплющить глаза и обратно сразу расплющить...

Кошкин. Замолчи!

Швандя. Я к тому, что ежели ее взять в мировом масштабе...

Кошкин *(тряхнув его)*. Ну! *(После паузы.)* Сейчас без четверти. Ровно к часу ребятам всем быть на пустыре позади школы, в зарослях. Дождись их здесь и прямо туда. Явка у Яровой во дворе. Там же и оружие. А я еще на завод.

Швандя. Есть...

Кошкин ушел. Из-за угла, напевая, идут военный писарь и Махора.

Кого это еще черт сюда сунет?

Махора. Очень великолепная погода.

Писарь. Лучше некуды.

Швандя. Опять эту халду принесло...

Писарь. Прошу, Махорочка, садиться. *(Запел.)*

Швандя. Тьфу ты, жаба! Чем бы это их пугнуть?

Писарь. К этой погоде да, например, любовь.

Махора. Это совсем уж будет лишнее.

Писарь *(подвигается к ней)*. Никогда! Чего же вы на край отсунулись?

Махора. Так вы ж форменно стесняете!

Писарь. Напротив. А вы так на землю осупетесь. Свободная вещь. Вы уж наполовину сидите. Позвольте поддержать. *(Обнимает ее за талию.)*

В это время Швандя щиплет Махору, та вскрикивает.

Махора *(вскакивая)*. Ай! Как вы смеете щипаться, невежа?

Писарь. Кто? Я?

Махора. Да то какой же еще родимец!

Писарь. Да чтоб я треснул, ежели я вас преждевременно ущипнул.

Махора. Да я тебя так тресну! Да меня, может, сам прапорщик Стамескин ни разу не щипал. Мразь! *(Уходит.)*

Писарь идет за ней. Проходит кучка граждан, тихо разговаривая.

Первый голос. Ну и бесятся. С вечера все «Боже, царя храни».

Второй голос. Да ништо. Нынче «Боже, царя храни», а завтра, может, «Спаси, господи, люди твоя».

Третий голос. Да, кажись, уж недолга песня.

Швандя *(появляется из своей норы)*. Как с разговору, товарищи, видать, вы упольне сознательные, но, между прочим, эти белые гады, удиравши, зараз всех ваших товарищей вешать станут. А вы на этот ремиз глядеть будете?

Граждане подозрительно косятся на него.

Четвертый голос. Что ж, покажут, так поглядим.

Швандя. Значит, вы допущаете, чтобы белые палачи убивали?

Пятый голос. Видали мы палачей всяких мастей.

Швандя. Значит, вы несознательные!

Первый голос. А ты кто такой?

Второй голос. Большевик аль провокатор?

Швандя. Кто? Я?

Третий голос. Да, ты.

Первый голос. Конечно, провокатор.

Четвертый голос. А ну, ребята, заходи.

Пятый голос. Пощупать его.

Окружают Швандю.

Шванд я. Товарищи, граждане... Я не курица и, обратно, не баба.

Первый голос. Гусь — видать!

Шванд я. Жаль, что, понимаете, время нету, а то бы я вам, обратно, разъяснил. *(Хочет идти.)*

Второй голос. А ты постой.

Шванд я. Ей-бо, некогда. Ну, между прочим, прошу обратить внимание: на Слободке у бабы чертенок родился, всем лестно поглядеть... А на нижеследующей улице магазин золотых часов распертый, и кто хотит, получает...

Третий голос. Да ты зубы не заговаривай.

Четвертый голос. Свои вылетят.

Шванд я. Никогда. Да вы, тов... бра... граж... граждане, скажите, вы белые аль обратно?

Четвертый голос. А ты кто?

Шванд я. Кто? Я? Да я ж ваш! Неужели не вознали?

Первый голос. Узнай его в зубы.

Проходит Горностаев.

Шванд я. И вот вам сам учитель Маркс может разъяснить.

Первый голос. Какой Маркс?

Второй голос. Забрехался.

Третий голос. Трепло!

Шванд я. Никогда. Действительно, Маркс. Может, не Карла, братуха ихний меньшой. Тов... Господин Маркс!

Горностаев. А? Что вам?

Шванд я. Подходи, братуха Маркс, сюды...

Горностаев. Макс? Я с вами брудершафт не пил.

Шванд я. Видите, немецкого звания — хранцузский язык. Но можут и по-русскому. На сорок языков. В мировом масштабе.

Горностаев. В чем дело?

Шванд я. Это им требуется разобъяснить за сознательность... Как пролетария всех стран соединимая, ну... Россия же неделимая, обратно... просю.

Горностаев. О чем просите? Господа, кто вы?

Первый голос. А вы кто?

Горностаева окружают. Шванд я незаметно исчезает.

Второй голос. Вы что же, в самом деле, Марксу брат?

Горностаев. А, какой брат?

Третий голос. Это вот он... *(Оглядывается.)* Где же он?

Четвертый голос. Удрал, сволочь!

Пятый голос. Провокатор и есть.

Первый голос. Значит, вы не родня Карлу Марксу?

Горностаев. Нет, я не родня Карлу Марксу.

Второй голос. Кабы родня — уж висел бы.

Третий голос. Да это же Дунькин профессор!

Горностаев. Я покамест только Дунькин сторож. Итак, что же произошло?

Четвертый голос. Ничего не произошло. Белые жегловцев будут вешать. Так еще им мало.

Пятый голос. Провокаторы еще по улицам ловят.

Горностаев. Опять казнь... Так надо же, господа, не допустить этого.

Первый голос. Это как же?

Горностаев. Бороться.

Второй голос. Чем?

Горностаев. Словом! Слово — могущественнейшее и единственное неотразимое оружие против зла. Идемте, господа! *(Быстро идет по улице.)*

Граждане идут за ним и, не замеченные им, исчезают за углом.

Вы знаете, господа, что словом стихии укрощаются. Мы убедим их!

Проходят Яровой и Семен.

Господа, говорят, вы опять намерены обагрить нашу землю кровью безоружных сынов ее?

Яровой. Что вам угодно, профессор?

Горностаев. Мне и вот этим честным гражданам... *(Оглядываясь в смущении.)* Тут... должны быть граждане.

Яровой. Какие граждане?

Горностаев. Честные... Ну, это не меняет... господа, не делайте этого...

Яровой. Профессор, посторонитесь.

Горностаев. Десятки тысяч лет работает человек. Из полузверя и полубога вырос. Из пещеры на четвереньках вылез, а теперь взлетел к небу. За тысячи верст голос его слышен. Человек это или бог? Оказывается, все это — призрак! Мы те же полузвери и прежде, чем уехать отсюда

в экспрессах и автомобилях, оскальпируем наших братьев-врагов...

Яровой. Профессор, вы идите через фронт и все изложите большевикам. Они поймут вас и прекратят скальпирование.

Горностаев. Если вы, цвет культуры, не понимаете...

Семен. Да ты чего тут язык распустил! Ты кто такой? Да я родного брата большевика, как бешеную собаку, пристрелю.

Яровой. Вахмистр, смирно!

Семен. Ваше благородие, дозвольте его взять.

Яровой. Молчать!

Горностаев. Господа, не лейте народную кровь на наши головы!

Яровой. Профессор, замолчите. Идите своей дорогой! А вы — смотреть. Ночь грозная, быть всем начеку, патрулям связь держать! *(Уходит.)*

Горностаев идет, работая колотушкой, навстречу ему Дунька.

Дунька. Хорошо ж ты мое добро стережешь?

Горностаев. Очень хорошо.

Дунька. Где дом, а где же ты: у черта собачьего? За что ж ты, паразит, мою хлеб-соль ешь?

Горностаев, работая колотушкой, уходит.

За свое же любезное, да и страждай! *(Идет.)*

Уходят все. Колосов идет к школе, навстречу ему Любовь.

Любовь. Ваня, Ваня, для чего все это вы наделали?

Колосов. Втерся было в высший круг, но изгнан с позором и даже риском. Как я через забор перемахнул... Чудесно! Только в крапиву лицом. Но как изголодались, бедняжки!

Любовь. Зачем вы их кормили?

Колосов. Ну... Они меня брауншвейгским тортом и еще чем-то угостили. А у самих при этом изумительные лица. Дух захватывает.

Любовь. Когда вас будут вешать, у вас захватит дух от изумления перед хорошим лицом палача.

Колосов. Ну... будет об этом. Кошкин передал: в час будет здесь. Ребята уже на пустыре в кустах. *(Уходит.)*

Бульвар. Входит Яровой, за ним Семен Скопцов и несколько взводных офицеров.

Яровой. Вызвать полковника Малинина.

Офицер. Слушаю, господин поручик.

Яровой. А вы, господа, занимайте каждый свой пункт. И глядеть в оба.

Офицер. Слушаю, господин поручик.

Входит **Малинин.**

Малинин. Что вам еще?

Яровой. Полковник, кончайте бал.

Малинин. Что еще такое?

Яровой. Дело кончено. Фронт прорван.

Малинин. Не может быть!

Яровой. Армия стремительно отступает.

Малинин. Впрочем, так и должно быть.

Яровой. Приказано до завтра в секрете держать.

Малинин. Значит, завтра — эвакуация?

Яровой. Да, завтра... Но если мы к утру не ликвидируем Кошкина, который сейчас в городе, то утром, когда станет известно положение, он нас ликвидирует.

Входит **Панова.**

Панова. Полковник, котильон.

Яровой. У полковника голова болит. Домой идет.

Малинин. Да, извините. Что-то нехорошо, лишнее выпил. До свидания. *(Целует ей руку и уходит.)*

Панова. Что случилось?

Яровой. Ровно ничего.

Панова. Что-то он не договорил.

Яровой. Он поручил это мне. Пожалуйте сюда.

Панова. Я вас слушаю.

Яровой. Нет, это я вас слушаю: о чем вы здесь говорили с моей женой?

Панова. Когда?

Яровой. Пять минут тому назад.

Панова. О танцах. Впрочем, вам ближе спросить у вашей жены.

Яровой. Я все-таки спрашиваю у вас.

Панова. Допрос?

Яровой. Допрос.

Панова. Ничего не выйдет.

Яровой. Попробуем.

Панова. Попробуйте.

Яровой. О каком это вы утверждении говорили?

Панова. Об утверждении? Едва ли. Кроме взаимного отрицания, у нас с вашей женой ничего нет.

Яровой. Вы... кому служите?

Панова. Никому.

Яровой. А кому вредите?

Панова. Всем, кого вредным считаю.

Яровой. Я вас тоже считаю вредной и сейчас арестую.

Панова. Это будет вредно для вас.

Яровой. Слушайте, пифия! Я вас посажу на такой треножник, что вам будет очень вредно. Бальные ваши каламбуры бросьте. Бал кончен.

Панова. Дайте папиросу. Вот вам взамен. *(Прикалывает ему левкой.)*

Яровой *(дает папиросу)*. Ну!

Панова. Ну, да ну, да ну, едет милый ко двору. Езжайте вы к тому двору, где вы милы. *(Указывает на школу.)*

Яровой. Что это значит?

Панова. Значит, я испугалась и готова сказать все, но идите прежде в тот двор. Там вы милы. Там вас ждут.

Яровой. Там меня не ждут.

Панова. А я вам говорю — ждут. Поверьте женщине, которая только с вами говорит искренне. Милый, бедный поручик от революции, зря вы мечетесь, зря мечете банк, когда карта давно бита.

Яровой. Вы-то с какими картами играете?

Панова. Я ваша спутница: в одном тупике. Но у вас близкий выход: вот туда, в школу. Мой же выход пока... в тупике. Торопитесь же, а я вас буду здесь ждать.

Яровой. И тогда скажете все?

Панова. Все. А сейчас пойду шартрез допивать. Поторопитесь, а то уйду. *(Уходит.)*

Яровой. Нет, не уйдешь! Скопцов!

Из темноты выходит Семен.

Семен. Я.

Яровой. За этой дамой установить наблюдение. Глаз с нее не спускать.

Семен. Слушаю. *(Уходит.)*

Яровой идет к школьной калитке. Двор школы. Любовь сидит на скамье. Входит Яровой.

Любовь. Кто это? Товарищ...

Яровой. Я.

Любовь. Что... что нужно?

Яровой. Люба, я пришел к тебе в последний раз. Завтра меня уже не увидишь.

Любовь. Знаю, но я и сегодня не хочу тебя видеть.

Яровой. Но сегодня я еще хочу говорить с тобой.

Любовь. О чем нам говорить? Уходи!

Яровой. Я хочу спросить тебя...

Любовь. Я не стану отвечать тебе — уходи.

Яровой. Я без этого не уйду. Будь проклято все, что стало между нами! Ничего нет у меня сейчас, кроме тебя, пойми.

Любовь. Нет, не понимаю.

Яровой. Люба, когда-то все свои боли я нес к тебе одной.

Любовь. Я забыла это...

Яровой. Теперь уже некому рассказать, как мне нестерпимо тяжко в этом мешке.

Любовь. Кто тебя в нем держит?

Яровой. Только ты можешь помочь. Только эти глаза пусть смотрят мне в душу.

Любовь. Ты сам в нее загляни... Ты с чем пришел?

Яровой. С душой искалеченной, как и тело.

Любовь. Знаю. А от меня куда пойдешь?

Яровой. Я хочу быть с тобой навеки.

Любовь. Навеки? Это далеко. А наутро?

Яровой. Если ты оттолкнешь меня, я до утра не доживу, но если у тебя остался хоть след любви ко мне... нет, след жалости, ты поймешь меня, поднимешь меня из этого гроба... Только ты можешь, если хочешь.

Любовь. Если хочу... был ли час, была ли минута, чтобы сердце мое кровью не обливалось от тоски по тебе, от жалости, от горя. Всегда слышала твой голос, а он прежде всего забывается. Твои юношеские мечты стали моим делом, но слушать теперь тебя, произносящим чужие, ненавистные слова, видеть тебя с этими...

Яровой. Только с тобой...

Любовь. Правда ли?

Яровой. Правда, правда...

Любовь. Дважды похоронила тебя... Вот опять вместе. Ты понимаешь, что ты со мной делаешь, что ты для меня?

Яровой. Я знаю, Люба.

Любовь. Седина у тебя. Худой какой ты, Миша.

Яровой. А ты... остались только глаза. Одни глаза... Мы опять найдем те слова.

Любовь. Молчи. Не нужно слов. Только одно: ты знаешь, надо спасти людей, и тогда приходи, я буду ждать тебя.

Швандя показался на заборе.

Ты что?

Яровой. Да, я пойду.

Любовь. Иди. Скорей. Время не ждет.

Яровой ушел.

Швандя. Товарищ Яровая, кто это?

Любовь. Это свой, свой, Швандя.

Швандя. Отчего ж он ушел?

Любовь. Он придет с большой радостью. Глянь, Швандя, ночь-то какая.

Швандя. Ночь аккуратная.

Любовь. За три года впервые вижу вот эти тени. Смотри, кружева какие...

Входят рабочие.

Первый рабочий. Товарищ Яровая!

Второй рабочий. Что, товарища Романа нет?

Швандя. Должен скоро быть.

Во двор входит Кошкин.

Кошкин. Товарищ Яровая, здравствуйте. *(Шванде.)* Ну?

Швандя. Начал было массы подымать. Ну, с трудом, и так, что еле-еле...

Кошкин. Поднял?

Швандя. Убег. Несознательные. Взяли в игру — не высвети из колоды Маркс да не козырни я им,— ремиз.

Кошкин. Что ты бузишь? Про жегловцев что?

Швандя. Я так думаю — не сегодня, потому выходит все обратно.

Кошкин. Ну, одначе, братва, ночь сурьезная. Может, завтра на этом месте будет уже наша власть. А ныне нам место только на фонарях. Первая задача — отстоять тюрьму. Товарищей своих мы на фонари не дадим.

Любовь. Не будет этого, товарищ Роман.

Кошкин. Только эту ночь отстоять. А завтрашний день наш! Где оружие?

Первый рабочий. Я, товарищ Роман, знаю...

Кошкин. Веди. Шванде с товарищем Яровой караулить и держать связь.

Кошкин, рабочие, Григорий перелезают через забор.

Любовь. Идите, Швандя, на тот угол.

Швандя. Есть! *(Ушел.)*

На улице видны крадущиеся солдаты, Яровой, Семен.

Яровой *(тихо командует)*. Взять в кольцо! Скопцов, окружить пустырь.

Семен *(тихо)*. Слушаю.

К нему подбегает Марья.

Марья. Еле догнала!.. Лепешечки...

Любовь. Как сон... *(Оглянулась. Увидела, бросилась к пустырю. Ее схватили.)*

Яровой. Запереть в школе. Охранять!

Любовь. Ми... мерзавец!

Ее заперли в школе. Пробегают Кошкин, Григорий Скопцов и другие. Схватка. Подпольщики расшвыряли солдат, бросились через забор, некоторые успели скрыться. Кошкин на заборе, сейчас спрыгнет. За ним Григорий.

Яровой. Кошкина! Кошкина упустили, скоты!

Кошкин *(остановился)*. А! Знакомый голосок!

Григорий. Товарищ Роман! *(Тянет его за собой.)*

Кошкин. Пусти! Я ему, гаду, только в глаза загляну. *(Бросается к Яровому.)*

Яровой. Загляни перед смертью.

Семен с солдатами схватили Кошкина. Григорий бросился ему на выручку.

Семен. Ага! Гришка!

Марья. Гриша!

Григорий. Ну, здравствуй, брат Семка!

Семен. И прощай, бандит!

Выхватили наганы, подняли.

Марья *(бросилась между ними)*. Так стреляйте же в родную мать!

Солдаты схватили Григория, всех уводят.

Семен. Маманя, не тревожьтесь: сказал — найду в могиле, нашел раньше — перед могилой.

Марья. Да лучше бы ты сам в нее лег!

Яровой. Старуху прочь. Учительницу освободить.

Все уходят. Любовь выходит из школы.

Марья. Да зачем же я тебя, аспида, на свет родила!

Любовь *(в ужасе)*. Да зачем же я на свет родилась!..

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Двор штаба белой армии. Конец дня. Паника. Внезапная эвакуация белых. Доносятся свистки паровозов, гудки автомобилей, грохот обозов. Мечутся офицеры. На террасе павильона Яровой с бумагами. Звонки телефона. Входит Малинин.

Малинин. Вот приказ. Его превосходительство, отъезжая, вверил мне эвакуацию, вам же — охрану города.

Яровой. Слушаю.

Малинин. Уходим за подкреплением к союзникам.

Яровой. Уходите, а мы будем биться здесь.

Малинин. Кто-это мы?

Яровой. Мы — это не вы.

Малинин. А? Да... Ну что ж, бейтесь. Да, между прочим, его превосходительство приказал немедленно ликвидировать в тюрьме пойманного вчера Кошкина с жегловцами.

Яровой. Генерал, вероятно, думал, что я поймал Кошкина затем, чтобы отпустить.

Входят барон и баронесса с вещами.

Барон. Баронесса, торопитесь!

Баронесса. Но мне опять дурно.

Барон. Полковник, ради бога, дайте автомобиль.

Малинин. Господа, не могу, спешите на поезд.

Адъютант *(Малинину).* Господин полковник... *(Подает ему бумагу.)*

Баронесса. Но меня там задушат.

Входят Горностаевы.

Горностаева. Кого задушат?

Барон. Баронессу.

Горностаев. Это пустяки. А вот здесь хотят несколько человек удушить. *(Идет к Малинину.)* Господа, нельзя...

Барон. Кого это?

Горностаева. Жегловцев. О ком вздумал заботиться.

Баронесса. Да я, хоть слишком слабая женщина, своими руками удушу.

Малинин. Однако, господа, торопитесь. *(Уходит.)*

Барон и баронесса идут за ним.

Барон. Но автомобиль?

Навстречу Елисатов.

Баронесса. Господин Елисатов, как же с купчей?

Елисатов. Я вам ее вышлю за границу.

Баронесса. Чтобы мне вернуться прямо в имение.

Елисатов. Будьте покойны. До свиданья. *(Уходит в штаб.)*

Горностаева. Макс, уедем, умоляю.

Горностаев. Леля, ты же знаешь... Я за границу езжу только с научной целью.

Горностаева. Ну и поедем с научной целью. *(Уходят.)*

Вбегают первый и второй господин с чемоданами, дамы.

Первый господин. Господа, господа, чудесный десант союзников! Солдат на часах в порту стоял, первый увидал.

Первая дама. Вдруг на море — дым, дым. Трубы, трубы.

Второй господин. Но почему же в штабе ничего не знают?

Первая дама. Да потому, что... чудо!

Быстро входят с чемоданом Закатов и матушка.

Второй господин. Если чудо, то отцу протоиерею известно.

Вторая дама. Отец протоиерей, вы знаете о чудесном десанте?

Закатов. Где?

Первая дама. На море... Дым и трубы трубят.

Закатов. Возможно, все возможно, возлюбленные.

Пробегает комендант.

Господин комендант, мне с матушкой обещан четырехместный автомобиль.

Комендант. Как же, как же, матушка, номер тринадцать.

Матушка. Ой, какой нехороший номер! Дайте хоть четырнадцатый.

Елисатов. На Москву, батюшка?

Закатов. Я звал вас на Москву, вы же, маловеры, усумнишася.

Вторая дама. Да ведь чудесный десант, батюшка.

Закатов. Устремимся же, возлюбленные, в сретение чуда. Но... в предшествии пастыря. Господин комендант, где мой автомобиль? *(Уходит.)*

Бежит Дунька, за ней несут вещи.

Елисатов. В Париж, Авдотья Фоминишна?

Дунька. Не с хамьем же оставаться! *(Уходит.)*

За сценой у автомобиля спор.

Закатов. Возлюбленная Евдокия! Напрасно вы сели — машина занята.

Дунька. Черта собачьего!

Закатов. Возлюбленная, вы лучше с молитвою, но освободите по трем основаниям: во-первых...

Дунька. Бросьте, батюшка, ваши марахветы! Чтоб я да высела!

Матушка. Прочь! Не с твоим задом в духовный автомобиль моститься!

Горностаев *(быстро бежит к спорящим)*. Пустите, пустите Дуньку в Европу!

Елисатов *(кричит, выходя из штаба)*. Павла Петровна, я здесь. Места в автомобиле забронированы. Нужно только кое-что оформить. Сию минуту... *(Ушел в штаб.)*

Появляется Панова.

Панова *(ему вслед)*. Только поскорее. *(Входящей*

Любови.) Душечка! К мужу? Совет да любовь. На чем сошлись? На Кошкине, кажется?

Любовь. Как это?

Панова. Обыкновенно: предали.

Любовь. Ты, мерзавка, предала.

Панова. Ошибаешься, душечка. Предают друзей. Я врагов поймала. А за помощь — спасибо.

Любовь *(сделала движение выхватить револьвер).* Пулю на тебя жаль тратить: считанные.

Панова. Вот теперь мы на «ты» и поговорим душа в душу. *(Приблизив к ней лицо, говорит тихо, проникновенно.)* Ты хуже гадины. Смертельно ненавижу твои глаза, позеленевшие от вековой злобы... Твои чешуйки-морщинки на лбу, сдавившем убогую, отравленную мыслишку! Губы твои извиваются, как гаденыши... Гидра многомиллионная! Ненавижу... на всю жизнь!

Любовь. Это все, что осталось тебе в жизни, гад с вырванным жалом. Уползай с нашей земли.

Панова. Ползайте по ней, вши тифозные.

Входит Елисатов.

Елисатов. Павла Петровна, все готово. Пожалуйте в автомобиль. Через неделю мы с вами в Париже.

Елисатов и Панова уходят. На террасу входит Яровой, рассматривая бумаги. Любовь идет к нему.

Яровой *(подняв голову).* Люба!

Любовь. Освободи Кошкина и жегловцев.

Яровой. Люба, эта просьба невыполнима.

Любовь. Это не просьба — требование.

Яровой. Чье?

Любовь. Мое. Я тебе вчера предала Кошкина, и я требую.

Яровой. Значит, речь только о Кошкине?

Любовь. Хорошо. Спачала о Кошкине. Отдай.

Яровой. Ты что ж думаешь, я его на сутки напрокат взял?

Любовь. Шутишь? Смотри мне в глаза. Может быть, уже в последний раз. Ты зачем вчера приходил ко мне?

Яровой. Люба! Клянусь своей душой, которая... тебе принадлежит, я шел только к тебе. Я не знал, что встречу их.

Любовь. Так подтверди клятву: освободи их. Спаси их. Ты можешь?

Яровой. Если б мог тебя от них спасти! Довольно, Люба. Здесь бой насмерть. Занесены руки над головами. Слетит первой та голова, что оглянулась. И ты требуешь, чтобы я оглянулся?

Любовь. Это ты вчера обманом заставил меня оглянуться. Змеей вполз в мое сердце, чтобы смертельно ужалить.

Яровой. Произошла случайность, в которой ты неповинна.

Любовь. Неповинна? За счастье припасть головой к твоей груди, какие головы к твоим ногам положила.

Звонок телефона.

Яровой *(подходит к аппарату)*. Да. Что? Сейчас приеду. Ну, прощай, Люба. Хорони меня в третий раз.

Любовь. Ты... ты не спасешь их?

Яровой. Иди... некогда.

Любовь *(выхватывает из кармана револьвер)*. Вот...

Яровой. А... Это ты хорошо придумала. Умница. *(Становится перед ней, распахнув грудь.)* Хорони всерьез.

Любовь. Нет. Твоя казнь впереди! *(Направляет револьвер в свою грудь.)*

Яровой, прыгнув к ней, выхватывает револьвер, прячет.

Что ж, это лишь отсрочка: если Романа казнишь, я убью себя.

Яровой нажимает кнопку звонка. Входит караульный солдат.

Яровой. Арестованную запереть в эту комнату. Стоять и не сводить глаз.

Караульный уводит Любовь. Вбегает Колосов.

Вам что?

Колосов. Я было за нею.

Яровой. Ага... слушайте. Я вас знаю, и потому вы на свободе. Можете ли немедленно увезти ее из города подальше?

Колосов. Нет.

Яровой. Почему?

Колосов. Она не уедет.

Яровой. Почему?

Колосов. Выпустите Кошкина.

Яровой. Ступайте.

Колосов. Какое огромное дело сделаете!

Яровой. Ступайте. Иначе будете там, где Кошкин.

Колосов. Вот об этом и прошу. Не губите ее. Она этого не переживет. Меня возьмите вместо Кошкина, если это вам необходимо.

Яровой. Кому вы нужны?

Колосов. Все равно я вам вреден.

Яровой. Нет, вы безвредны. Уходите. Но через час явитесь за Любой, только вам ее передам. *(Уходит.)*

Слышен гудок и шум отъезжающего автомобиля. Колосов идет по улице. Навстречу ему Швандя в офицерской шинели.

Швандя. Товарищ Колосов!

Колосов. Кто вы?

Швандя. Не вознали?

Колосов. Швандя!

Швандя. Есть. Оне.

Колосов. Рано вылез.

Швандя. Не поздно ли? Надо товарища выручать.

Колосов. Любу Яровую сейчас арестовали.

Швандя. Где?

Колосов. Здесь, Яровой. Поставил караул и уехал.

Швандя. Так надо вызволить. Кто там из начальства?

Колосов. Никто, только часовой.

Швандя. Так это — раз плюнуть. Идем!

Колосов. Что ты! Отбить?

Швандя. Зачем? Мы по-хорошему. *(Кричит на Колосова.)* Слушать приказу! *(Идет на террасу.)* Смирно! Я из вас большевистский дух вышибу. Думаете, разбили нас? Врете, красные дьяволы! Хронт восстановлен. Генералы вернулись. Всех ворочают. Вот он пакет. *(Вынимает пакет.)* Живо мне второй провод провести. Ну? Ай бастовать? *(Караульному.)* Где поручик Яровой?

Караульный. Уехал.

Швандя. Куда?

Караульный. Не могу знать.

Швандя. Должен знать, хам! Али тоже в красные глядишь? Я те погляжу! *(Берет трубку телефона.)* Дайте, барышня, номер две тысячи два ноля. Поручик Яровой! Говорит прапорщик... князь Курносовский. Оне самые! Вам срочный пакет. Передать караульному? Есть. Какая большевичка? Арестованная? Сейчас справлюсь. Караульный, арестованная есть?

Караульный. Так точно.

Швандя (*в трубку*). Так точно. Есть арестованная. Так что с ею делать? В тюрьму лично доставить? Есть, това... господин поручик. Я ее сейчас возьму. Не сумлевайтесь. У меня не убегет. А часовой пущай при пакете стоит? Есть. Ну, пакеда. Банжур. (*Караульному.*) Давай сюды арестованную. В тюрьму повезу. А ты — на, держи пакет и жди с им поручика.

Караульный. Как же без приказу?

Швандя. Что-о? Ай в телефон не слыхал? Я те уши прочищу. Ну, живо, отворяй. Арестованная, выходь. Марш вперед. А ты береги пакет.

Караульный. Как же доложить прикажете?

Швандя. Глухой? Подпоручик князь Курносовский приказал. Монтер кончил? Ступай.

Караульный уходит.

Ну, товарищи, врассыпную. (*Исчезают.*)

Яровая и Колосов идут по улице. В закоулочке кучка рабочих. Отдельные голоса полушепотом:

— Почитай, все схлынули.

— Последние эшелоны прошли.

— Только у тюрьмы и на вокзале.

— Что же, товарищи? Ужли жегловцам капут?

— Что делать?

— А что ты поделаешь?

— Судьба уж.

— Взяться бы.

— Опять с пустыми-то руками?

— Да ведь там же Кошкин, Хрущ, Мазухин, ужли отдадим?

— Да как не отдашь, когда уж отдали?

Татьяна. «Отдали, отдали»! Отдавать вы мастера. Пока Хрущ шел за вас в петлю, вы: «Пущай Хрущ идет», а как Хруща вешать: «Пущай Хрущ висит...» (*Плачет.*)

Первая женщина. Это верно говорит.

Вторая женщина. Еще бы не верно... Чай, братец. (*Передразнивает.*) «С пустыми руками... с пустыми руками»... Ну, и ждите, пока вам руки свяжут... да на фонарь, как моего... Отец на фонаре, а под фонарем трое ребят. Ручонками к отцу тянутся... А я... тут... Ждите...

Голоса. Наши-то уж по сю сторону Громовой!

— К утру здесь будут.

— Рано. На зорьке ждать надо.
— Ужли не выручим?

Подходит Любовь.

Любовь. Товарищи! На утренней заре сюда придут бойцы с фронта, а сейчас, на вечерней заре, здесь повесят товарищей, что воевали в тылу врага.
Рабочий. Вот об этом и разговор.
Любовь. Неужели вы будете ждать зари, сложивши руки? Как же вы завтра посмотрите в глаза боевым товарищам?
Рабочий. Да лучше свои выколоть.
Любовь. С чем вы их встретите? С неостывшими трупами борцов? Вас спросят: а что вы сделали, товарищи, чтобы вырвать братьев-героев из белогвардейской петли? Что вы им ответите?
Голоса. Верно, товарищи.
— Выручим.
— Стыдно прятать шкуры.
— Идем на выручку.
Любовь. Товарищи, приходите к пустырю, за школой, там оружие цело.
Голоса. Ура!
— Тсс... тише... рассыпаться...
— Звони на завод.
— Собираться на площадь к тюрьме.

Толпа удаляется, и вдали постепенно нарастает гул. Паническое бегство буржуазии, тут же отступающая белая армия, раненые, больные и т. д.

Первый гражданин *(второму)*. Что продаете?
Второй гражданин. Ничего не продаю.
Первый гражданин. Может, что-нибудь есть? За деньгами не постою. Ботинки продаете? Мне необходимо.
Второй гражданин. Да мне самому необходимо. *(Уходит).*
Первый гражданин *(идя за ним)*. Сто тысяч хотите? Получайте.
Третий гражданин. Все белые деньги аннулируются. Сейчас в кассе объявили. Вот так власть! Что же теперь?
Четвертый гражданин. Ну, у меня, слава богу,

кроме керенок и николаевских, ничего нет. Я ведь все предвидел.

Уходят. Входит Яровой.

Яровой. Все благополучно?

Караульный. Так точно, господин поручик.

Яровой. Что арестованная?

Караульный. Как приказано — передал господину подпоручику.

Яровой. Что? Какому?

Караульный. Князю Курносовскому, который по телефону...

Яровой *(заглянув в пустую комнату)*. Ты... зачем здесь поставлен?

Караульный. Охранять пакет.

Яровой *(распечатав пустой пакет, рвет его и бросает клочки в физиономию караульному)*. Расстреляю!

Звонок телефона.

(Бросается к телефону. В телефон.) Да. Толпа? К тюрьме? Выстроить роты на площади и пулеметы. Ждать приказа.

Вбегает Семен.

Семен. Господин поручик! Толпа вплотную подошла к тюрьме. Каменюки бросают.

Яровой. Стрелять! В передних.

Семен. Само собой! Эту ведьму учительшу снять?

Яровой. Какую?

Семен. А что вчерась в школе Кошкина прятала. Я сам ее сыму.

Яровой. Не сметь... Без приказа... Живую ее надо взять.

Семен. Ну, без боя не дадут.

Яровой. Ступай! Ждать приказа по телефону.

Семен. Да нельзя ждать.

Яровой. Ступай!

Семен уходит. Яровой в волнении ходит у телефона. Берет трубку и снова вешает. Доносится нестройный гул. Звонок телефона.

(Берет трубку.) Знаю. Ждать приказа! Отступать к воротам!

Вбегает Малинин, за ним Чир.

Малинин. Поручик Яровой, что значит ваше бездействие? Почему не приказываете стрелять?

Яровой. Успеем.

Малинин. Как успеете? Говорят, какая-то большевичка уже вплотную к солдатам подошла. Агитирует.

Чир. Это — которая в ваших бумагах рылась.

Малинин. Ах... вот кто... Теперь мне понятно, господин поручик. Сию минуту отдавайте приказ стрелять.

Яровой. Прошу в чужие распоряжения не вмешиваться.

Малинин. Я полковник.

Яровой. Здесь вся власть передана мне.

Малинин. Отдавайте приказ, или я вас арестую как изменника.

Яровой *(выхватив револьвер)*. Ну!

Малинин. В большевики идете?

Яровой. Не будь вас, большевиков уже не было бы.

Малинин. Поручик Яровой, ступайте за мной.

Яровой. Полковник Малинин, ступайте за чемоданами.

Малинин. Приказывать?

Яровой. Вы этот приказ исполните.

Малинин. Мы еще поговорим. Большевик! *(Уходит.)*

Вбегает Семен.

Семен. Господин поручик! Что же это значит, жегловцев живыми покидаем?

Яровой. Жегловцев? Сию минуту расстрелять. Ступай.

Семен. Да мне их не выдадут.

Яровой. Сейчас прикажу по телефону. *(Звонит по телефону.)* Дать тюрьму! *(Продолжает звонить. Ответа нет.)* Черт!

Доносится торжествующий гул. Вбегает офицер.

Что там?

Офицер. Народ тюрьму взял.

Яровой. Взял? А солдаты?

Офицер. Солдаты без выстрела отошли в город, и часть на вокзал ушла.

Яровой. Отлично... И пусть себе подавятся тюрьмой. Поручик, до ночи власть в наших руках. Ночью выступаем в леса. Война продолжается.

Офицер. Кто же будет воевать?

Яровой. Верные сыны отечества с новой помощью союзников.

Офицер. Сыны? Отечества? *(Свистит, срывает погоны.)* Нет, я уже кушал. *(Убегает.)*

Семен. Господин поручик, большевики уже распоряжаются, со всех дворов повысыпали и скрозь красные флаги вешают; где они их только берут? Всех арестовывают...

Яровой. Взять в кольцо и стрелять.

Входят Швандя и несколько рабочих.

Швандя *(указывая на Ярового)*. А, вот он самый. Бери, товарищи.

Яровой *(выхватывает револьвер)*. Стой! *(Отстреливаясь, убегает.)*

Патруль бежит за Яровым. Проходит Горностаев под конвоем Пикалова.

Горностаев. Дорогой друг! Сколько люди придумали правд?

Пикалов. Не слыхал.

Горностаев *(останавливаясь и тряся Пикалова за полы)*. Тысячи... И когда из тысячи маленьких правд хотят сложить одну большую, это все равно, что... из тысячи крыс сложить одного слона.

Пикалов. Да ты что меня трясешь? Я те не груша. Арестант должен идти, а не конвойного трясти.

Горностаев. Но мы с тобой ходим и не находим.

Пикалов. А я виноват, ежели хороших начальников черти с квасом съели.

Горностаев. Сдай меня плохому.

Пикалов. Плохой тут не управится. Тут двое наворачивали — один кричит: «Тащи ему пакет», другой встрелся — кричит: «Тут на пакете «весьма важно» — волоки самого при пакете». А сам черт те куды ушился. Сыщи его...

Горностаев. А не подождать ли, пока он нас сыщет? Ибо, по-видимому, мы ему нужнее, нежели он нам.

Пикалов. Жди не жди, а я это дело, старичок, по здешним местам так понимаю: раз тебя ведут при важнеющем пакете — значит, в расход. Молись богу.

Уходят. Вдали промелькнул Яровой. Проходит патруль. Навстречу Чир.

Чир. И повеле ввергнути мрежу, и изловиша рыбы великое множество.

Патруль. Ты что, дед, мелешь?

Чир. Закиньте, товарищи, мрежу в этом квартале: большую рыбицу поймаете.

Патруль. А тебе что?.. *(Уходит.)*

Входит Шванд я. Навстречу ему пробегают нагруженные чемоданами спекулянт со своей дамой.

Шванд я *(им вслед поет)*. «Как родная мать меня провожала, тут уся моя родня набежала...»

Входит Махора.

(Наткнувшись на нее.) А, Махорочка! Что это вы будто в масштабе усохлись?

Махора. По вас сохли.

Шванд я. Все с белогвардейцами контакт держали?

Махора. Да чтобы я белую гвардию да до себя подпустила?

Шванд я. А кто вас позавчерась вон на этом месте за это самое местечко вежливо щипнул?

Махора. Ой, да неужели вы?

Шванд я. Собственноручно.

Махора. Я ж сразу догадалась.

Шванд я. Значит, вы упольне сознательная. *(Всмотревшись в Чира, подходит к нему.)* А, Чир, мое почтение... Ай не признал?

Чир. Да воскреснет бог... Раб удавленный Феодор... Я же по тебе сорокоуст справил, да примет тя господь в селения...

Шванд я. А он не принял: «Как смел, говорит, на глаза мне являться?» — «Чир, мол, господи, прислал».— «Ах он, говорит, невежа... пошли ко мне его. Я ему в два счета разобъясню».— «Есть, товарищ». Так вот я обратно за тобой. Марш!

Чир. За душой, Федя, ангелы присылаются.

Шванд я. Я богу то же говорил. «Нет, говорит, матрос вернее». Бери его, ребята.

Чир. Врет он, товарищ. Никакого бога нетути.

Шванд я. Зачем же ты меня посылал к ему?

Чир. Для приятности. Отпустите, товарищи. Нет бога, вот чтоб мне на этом месте...

Шванд я. А ты от писания что-нибудь.

Все уходят. Входит Пикалов, за ним Горностаев без шапки.

Горностаев. Кто-то страстно бога отрицает... Значит, ближнего признал. Ну, друг, куда же теперь идти?

Пикалов. А черт ее душу знает.

Горностаев. Если некуда идти, давай сядем. Может быть, ума прибавится.

Пикалов. Куда ж прибавится, ежели ты шапку потерял?

Горностаев. Не кажется ли тебе, что мы ищем истину, уклоняясь от нее? Ибо когда ищут истину на распутье, то она непременно у груди.

Пикалов. Навязался ты на мою душу. Как же мне от тебя ослобониться?

Горностаев. Не знаю. Дал бы тебе взятку — у меня ничего нет.

Пикалов. Я сроду взяток не брал.

Горностаев. А тебе давали?

Пикалов. Нет.

Горностаев. Мне тоже.

Пикалов. Да ты какого классу?

Горностаев. Я профессор.

Пикалов. Из цирка, что ли?

Горностаев. Почему из цирка?

Пикалов. Давеча про крыс и слонов складно объяснял.

Горностаев *(внимательно рассматривая его)*. Слушай... Ты... гражданин... новой жизни.

Пикалов. Ну? Я.

Горностаев. А не вывести ли тебе в расход меня?

Пикалов. Ну и балда... А бумага?.. Расписаться кто должен?

Горностаев. Я тебе посмертную расписку дам.

Пикалов. Не... Этому я несвычный.

Горностаев. А ты чему же свычный?

Пикалов. Чему? Опять жена одна на осминнике поворачивается. Мерин-то, должно, подох... Прошлой весной три пуда занял у свата! А нонче не то что... Да ты мне, пожалуйста, зубы не заговаривай.

Проходит Швандя.

Швандя. А, товарищ Маркс! И ты, друг. В чем дело?

Пикалов. Да тут буза...

Швандя. Да ты что, опять в пленных ходишь?..

Пикалов. Кабы в пленных... А то хуже. Самому водить приходится да еще с пакетом... едят его мухи... Хоть ложись...

Швандя. Кому пакет?

Горностаев. По-видимому, мне. Да вот некому распечатать.

Швандя. Так это раз плюнуть. *(Распечатав пакет, повернул бумагу и после не совсем удачной попытки прочесть отдает ее Горностаеву.)* Читай, папаша, я охрип.

Горностаев *(читает)*. «Охранная грамота. Предъявитель сего профессор Максим Горностаев находится под особым покровительством Советской власти... не может быть арестован... оказывать всяческое содействие...»

Швандя. Да это ж при мне еще написано было, да отправить не успели.

Пикалов. Вот отчего возжаться с им приходится!

Горностаев. Видишь, друг, все в итоге сводится к разумной причине.

Пикалов. Теперь куда же его? К стенке, что ль?

Швандя. Сам ты стенка несознательная!

Пикалов. Так не успел вписаться...

Швандя. У товарища Маркса голова, можно сказать, в мировом масштабе, а ты — к стенке! Идем, папаша Маркс, я тебе сейчас все разъясню. Это у нас раз плюнуть.

Уходят. Идет Любовь, кончая перевязывать себе раненую руку.

Колосов *(бежит ей навстречу)*. Люба, надо спасти... Он окружен.

Любовь. Кто?

Колосов. Да он, конечно, Михаил...

Любовь. Так он не ушел? Опять остался охотиться?

Колосов. За ним охотятся. Здесь, в переулке, мечется. Уже окружен... Где скрыть?

Любовь. На груди, у сердца. Вчера он отогрел и убаюкал меня у своего сердца: «Голубка». Я его ужалю.

Колосов. Люба, не губите себя. Спрячьте в школе.

Любовь. Ступайте, вы, блаженный.

Вбегает Яровой.

Яровой *(направляется к Любови)*. Люба!

Любовь резко отворачивается от него.

Колосов *(поравнявшись с дверью, Яровому.)* Сюда.
Яровой *(минуту колеблется)*. Ну, все равно.

Оба скрываются в дверях. Выходит преследующий патруль. Навстречу старуха.

Патруль. Тетка, куда офицер сбежал?
Старуха. Он, милый, не бежал. Он в эту дверочку.

Патруль входит в дверь. Навстречу Яровой, переодетый в блузу Колосова.

Патруль. Где офицер Яровой?
Яровой. Не знаю. *(Проходит.)*
Колосов *(В костюме Ярового)*. Это я.
Патруль. Идем.
Яровой *(пробегает мимо Любови)*. Прощай, Люба.
Любовь. А, ты такие жертвы принимаешь? *(Патрулю.)* Стойте, товарищи, это не Яровой. Это юродивый маскарад устроил. Яровой туда побежал.

Патруль бежит за Яровым.

Колосов. Люба, что вы над собой сделали?

Издали доносится нарастающий гул ликующей массы. Со всех концов города навстречу толпе, среди которой освобожденные Кошкин и жегловцы, бегут с радостными криками рабочие и работницы. Кое-где испуганно притаилась буржуазия.

Голоса. Ребята, Кошкин с жегловцами!
— Ура!
Татьяна. А Хрущ? А брат? Брата не видал никто?
Голос. Хруща не видали пока.
Татьяна. Значит, повесили?

Толпа во главе с Кошкиным и прочими жегловцами заполняет площадь с пением и криками «ура».

(Бросилась к Кошкину.) А Хрущ? Брат? Неужто повесили?
Кошкин *(улыбаясь)*. Повесишь его... Фонаря для него не найдется.

Из толпы выдвигается Хрущ.

Ишь какой вырос!

Татьяна бросилась к Хрущу в объятия.

Хрущ. Здравствуйте, товарищ Яровая! Вас первую ожгло? Здорово укусило?

Любовь. Пустое. Да никто серьезно не ранен, успели их смять.

Кошкин. А мы себе за решеткой посиживали да, сложивши ручки, поглядывали. *(Улыбается.)* Одначе, товарищи, руки складывать рано, враг только притаился, чтобы в горло вцепиться. Всем быть на страже!

Подходит Швандя с отрядом.

Швандя. Товарищ Роман! *(Бросается ему на шею.)* Так что... что...

Кошкин *(нежно)*. Что? Что, Федя?

Швандя *(смахнув что-то с глаз)*. Был ремиз, а высветило обратно.

Входят Горностаев и Пикалов.

(Кричит.) Шапку нашел?!

Пикалов. Нашел, ну — буза. Не та, чужая.

Кошкин. Товарищ Горностаев. Очень рад! С тьмой, значит, бьемся?

Горностаев. Да, да! Я именно за этим: об этом моем друге с шапкой вот.

Вбегает Марья, бросилась к Григорию.

Марья. Ты... А Семка?

Григорий. Семка мне могилу копает.

Марья. Где?

Швандя. Либо за морем, мамаша, либо тут, рядом.

Из глубины выбегает Яровой, преследуемый патрулем. Он сталкивается с Кошкиным.

Кошкин. А! Комиссар Вихорь! Вот и еще раз встретились, а поговорить не о чем. Значит... прощай.

Яровой. Прощай, Люба!

Любовь *(отворачивается от него. Ярового уводят. Любовь посмотрела вслед и со стоном закрыла глаза, быстро успокоилась и говорит Кошкину)*. Товарищ Роман, оружие из-под дров выдано сегодня кому следует.

Кошкин *(жмет ей руку)*. Спасибо, я всегда считал вас верным товарищем.

Любовь. Нет, я только с нынешнего дня верный товарищ.

Занавес

1926 г.

ПЬЕСА К. А. ТРЕНЕВА «ЛЮБОВЬ ЯРОВАЯ»

Есть литературные произведения, которые вбирают в себя целую эпоху. По одному такому произведению можно судить об определенной полосе в жизни народа, о стиле и сущности времени. Даже если такое произведение когда-нибудь сохранится одно, оно настолько полно воплотит в себе облик ушедшей в прошлое исторической поры, что навсегда сохранит ее для будущего.

К таким произведениям принадлежит и пьеса Константина Андреевича Тренева «Любовь Яровая». В истории советской драматургии не много можно назвать произведений, которые обладали бы такой же емкостью содержания и широтой исторических обобщений.

Написанная в 1926 году «Любовь Яровая» все последующие годы не сходила со сцены. Всегда были театры, режиссеры, актеры, и не только у нас в стране, а и далеко за ее пределами, которых увлекала эта пьеса, такая многокрасочная, одновременно эпически величавая и удивительно человечная в своем юморе. Все новые и новые поколения, вглядываясь в героев Тренева, познают по ним сущность той уже далекой от нас поры, когда в суровом напряжении всенародной битвы рождалось и побеждало молодое Советское государство.

Годы гражданской войны отразились в «Любови Яровой» Тренева так широко и полно, так многосторонне, что можно сказать: эта пьеса в нашей драматургии дает едва ли не самое точное и полнозвучное представление об основных классовых силах той эпохи и о людях, которые тогда встретились на поле вооруженной борьбы за власть.

Тренев написал «Любовь Яровую», будучи уже немолодым человеком. Он родился в 1878 году в бедной крестьянской семье, провел тяжелое детство на одиноком хуторе, затерянном среди выжженных степей Придонщины, с трудом пробился к образованию. Учился он

много и упорно, с юных лет начал пробовать силы в литературе. Но утвердиться на писательском поприще ему удалось не скоро. Многие годы Тренев занимался журналистикой, печатаясь в газетах Ростова-на-Дону и Таганрога, то в качестве фельетониста, то политического обозревателя, то хроникера. Там же появились и его первые рассказы из жизни южнорусской деревни: грустные и смешные, точно передававшие живую, разговорную интонацию всех этих Охримов, Ганнок, Кастусей, их тяжелые медлительные думы о безземелье, смертоносных суховеях, засухах, их тоску от сознания своего бессилия, их робкие и безрадостные мечты о будущем.

Имя Тренева в столичных литературных кругах становится известным только после первой русской революции. Он тяжело пережил ее поражение. Но не растерялся, не впал в уныние, подобно некоторым литераторам той тяжелой поры в истории русской литературы и общественной мысли, а, наоборот, еще более укрепился на своих демократических жизненных литературных позициях.

Рассказы и повести — «На ярмарке», «Затерянная Криница», «Владыка», «Самсон Глечик», «Заблудились» и другие — все чаще после 1908 года стали появляться в журналах «Заветы», «Русское богатство», «Северные записки», в газете «Русское слово». Эти произведения были прямым и непосредственным отголоском настроений, живших в те годы в толще крестьянских масс. Тренев удивительно верно отразил и их жажду коренных социальных перемен, и их тогдашнюю неподготовленность к борьбе, ненависть к помещикам и полицейскому государству, и политическую отсталость.

Эти рассказы принесли Треневу очевидный, год от года крепнущий успех. Горький с его редкой способностью замечать все молодое, талантливое, жизнеспособное быстро приметил и Тренева. Он стал в полном смысле этого слова учителем будущего автора «Любови Яровой». На протяжении нескольких лет Тренев посылал ему свои рассказы и первые опыты в области драматургии. Горький не только откликался на них то похвалами, то, наоборот, острой и откровенной критикой, но и редактировал рукописи молодого писателя. Разбирая фразу за фразой, он выделял удачи и указывал на стилистические срывы Тренева, отделяя правдивое и верное, наблюденное в жизни, от псевдолитературной красивости и шаблонов.

А. М. Горький, как это потом не раз признавал в своих письмах и статьях Тренев, оказал на него огромное и глубокое влияние. Оно проявилось со всей наглядностью также и в годы Октябрьской революции, когда живший в Крыму Тренев оказался непосредственным «читателем» многих примечательных страниц в летописи гражданской войны. Он видел, как все прибывали и прибывали в Крым поезда с беженцами, в панике спасавшимися от революции, как все выше и выше подни-

малась накипь нечистых страстей, разнузданной алчности, трусливой истерии, напрасной и бессильной злобы и как однажды вся эта накипь была скинута в Черное море прорвавшимися через Перекопский перешеек частями Красной Армии.

Но Тренев не сразу разобрался во всей этой пестрой смене лиц, событий и столкновений. Великая историческая правда классовой борьбы, очевидцем которой он стал, проникала в его сознание постепенно. Еще в пору первой революции, всей душой приветствуя борьбу многомиллионных крестьянских масс за землю, за освобождение из-под гнета помещичьего и жандармского произвола, Тренев в то же время в растерянности останавливался перед непримиримостью революционной борьбы. Писателя смущала та решительность, неуклонная последовательность и определенность, с которой рабочий класс и его партия шли навстречу надвинувшейся буре. Как и его герои, Тренев не был в состоянии в те годы понять революционную стратегию и тактику большевиков, сущность их единственно революционной и единственно действенной программы.

Ту же слабость он проявил и в первые годы Октябрьской революции. Белогвардейщина была ему глубоко чужда, отвратительна, но и в революции многое оставалось Треневу непонятным. Повести и рассказы, которые вышли из-под его пера в первые послеоктябрьские годы, свидетельствуют о глубокой растерянности, не раз охватывавшей писателя. Главное, ему оставался психологически непонятен, а в какой-то мере даже и чужд тот самый комиссар в кожанке, питерский или ростовский пролетарий, участник сражений и первый строитель только еще складывавшейся советской государственности, который позднее станет главным героем его знаменитой пьесы.

К ней Тренев пришел не сразу. Первые замыслы, первые наброски к будущей «Любови Яровой» относятся к 1922—1923 годам. Однако ей предшествовала другая пьеса — историческая драма из эпохи крестьянской революции XVIII столетия — «Пугачевщина» (1925).

Овладеть правдой истории во всей ее сложности и глубине Треневу удалось только в «Любови Яровой». Несмотря на то, что от «Пугачевщины» ее отделяет всего лишь один год (премьера «Любови Яровой» состоялась в Малом театре 21 декабря 1926 года), в идейном отношении она знаменует стремительный рывок Тренева вперед.

Важнейшие политические и социальные проблемы эпохи в ней не только поставлены, но и разрешены с такой последовательностью и ясностью, какая была свойственна в те годы только немногим произведениям — «Железному потоку» Серафимовича, пьесе Билль-Белоцерковского «Шторм», «Барсукам» Леонова, «Бронепоезду 14-69» Вс. Иванова и некоторым другим. Недаром встреча пьесы со зрителями ознаменовалась таким грандиозным триумфом. В истории русского театра немного

было премьер, имевших такой же огромный и общественно знаменательный успех.

На протяжении долгого времени «Любовь Яровая» игралась в Малом театре из вечера в вечер, а зрительный интерес к ней все не угасал. Не было в то время ни одного театра на периферии, где бы не была поставлена эта пьеса и где бы она также не пользовалась горячим признанием зрителей. Чувствовалось, что «Любовь Яровая» выразила какую-то очень существенную потребность времени, ответила жизненно важным интересам нового зрителя. Именно так расценили успех «Любови Яровой» М. И. Калинин, А. В. Луначарский, многие крупнейшие деятели театра и литературы.

Новый мир представал перед зрителями треневской пьесы в удивительном разнообразии типов. Здесь были и представители старой русской интеллигенции, и деятели незадолго до этого разбитой белогвардейщины, и солдаты, и вооруженные рабочие. Здесь были люди разных ориентаций, взглядов, настроений, темпераментов, характеров — были и те, кто выражал пафос и смысл эпохи, ее правду, и те, кто трусливо и жалко копошился на ее задворках, тщетно пытаясь нащупать для себя особую тропку среди рушащихся и заново складывающихся массивов истории. Любовь Яровая, Чир, Марья, Пикалов, Малинин, Панова — все это не только удивительно выпукло, точно, иногда всего каким-нибудь десятком реплик очерченные индивидуальности, но и типы эпохи, воплотившие в себе с великолепной социальной и исторической определенностью ее различные грани.

Сам Тренев говорил, что его пьеса движется многоколенным механизмом. И действительно, композиция «Любови Яровой» очень сложна. Если считать, что сущность происходящих на наших глазах событий определяется борьбой красных и белых за город, то в то же время нельзя не заметить, что внутри этой фабулы намечается несколько более или менее самостоятельных судеб и сюжетов, иногда взаимодействующих между собой, а иногда и полностью разобщенных. Все персонажи в пьесе поставлены в зависимость только от одной силы — от силы самой истории. Их судьбы складываются или разрушаются в зависимости от того, как протекает борьба между двумя сражающимися политическими лагерями, от победы народа и поражения контрреволюции. У истоков этой борьбы стоит комиссар Кошкин, в нем воплощены исторические силы, направляющие течение событий. Кошкин человек партии, ее посланец, ее выразитель. Именно это в первую очередь и интересует в его образе писателя, который на данном этапе развития советской литературы одним из первых вплотную подошел к исследованию нового типа коммуниста во главе народных масс.

Тренев мало поэтому уделяет внимания тому, что могло бы составить индивидуальную неповторимость образа комиссара, сосредоточи-

вая внимание по преимуществу на том, что было заключено в нем типического, общего для исторических судеб многих и многих Кошкиных. Он стремится понять, как может этот малограмотный человек, по собственному признанию «на своей шкуре» «спытавший, что такое тьма», подняться на несоизмеримую высоту не только над всеми этими Кутовыми и Малиниными, но и над старым профессором Горностаевым. В чем же сила Кошкина? Именно это и стремится понять писатель, раскрывающий перед нами безграничную революционную убежденность, целеустремленную энергию своего героя. Он показывает Кошкина и в наступлении, и в тяжелую минуту поражения. Но как бы ни складывалось положение в городе, именно Кошкин оказывается в центре событий, направляя их течение. В пьесе нет поэтому ни одного персонажа, который если не прямо, то опосредственно не испытывал бы на себе влияния Кошкина. Он наносит поражение Михаилу Яровому и Малинину, помогает Марье, оказывается верным другом и советчиком для Любови Яровой и Горностаева, учителем и боевым руководителем для Шванди. Его одного боится изворотливая и цепкая Панова, о нем как о грозной, нависшей над городом силе с тревогой думают даже в минуту своего торжества белогвардейцы.

Такое построение пьесы не было задумано драматургом заранее, он пришел к нему постепенно, все более углубляясь в изучение исторической обусловленности индивидуальных судеб Любови Яровой, Горностаева, Пикалова, Шванди, белогвардейских офицеров.

Изучение рукописей писателя, различных вариантов и редакций пьесы показывает, что именно образ Кошкина, уяснение его места в сюжете, проникновение в глубь его характера давались драматургу наиболее трудно. Как известно, Тренев сделал несколько редакций пьесы еще до ее постановки на сцене Малого театра, а затем продолжал работать над ней вплоть до самой смерти. Перемены, которые он вносил на протяжении стольких лет в пьесу, касались почти всех персонажей. Но особенно много нового внес он именно в образ Кошкина, неизменно стремясь к тому, чтобы его роль в развертывающейся борьбе, в судьбах других персонажей, вырисовывалась все более и более выпукло и полно.

Шлифовался на протяжении этих лет и образ Шванди, веселого, никогда не унывающего соратника Кошкина. Он с первых же спектаклей стал одним из любимых героев советского зрителя, да и сейчас стоит произнести имя «Швандя», как на лицах слушателей появляется веселая и добрая улыбка. Если Кошкин — это ум, сила, воля революции, то Швандя — это ее поэзия, удаль, радость. Ленин говорил, что революция является праздником для трудящихся. Именно так и ощущает все, что происходит вокруг него, треневский герой. Его политическое сознание заметно отстает от быстрого бега времени, сущность происходящего он понимает не столько теоретически, сколько чутьем, сердцем. Он

непоколебимо верит в то, что Маркс, учитель всех рабочих и крестьян, ходит где-то здесь, среди воюющих, и эта наивная вера отражает то понимание жизни, которое свойственно Шванде и в котором органически и причудливо слились знание и вера, наивность и революционный энтузиазм. Швандя так весь и искрится прибаутками, веселыми, озорными выдумками; он и воюет легко, радостно, не испытывая и тени сомнений в исходе борьбы, не зная страха даже в минуту, когда его ведут на расстрел. Он так органически спаян с выдвинувшими его народными массами, так безошибочно угадывает классовую сущность каждого, с кем его сталкивает жизнь, так радостно готов к самому трудному, что вся жизнь, полная крови, слез, лишений, кажется ему неизъяснимо прекрасной и праздничной.

Швандя — чудесное художественное открытие Тренева, один из тех подлинно народных характеров, в которых красота и правда пролетарской революции отразились с особой непосредственностью и свободой. Недаром так много его словечек, присказок вошло в языковой оборот народа, а литературные герои многих пьес и романов, появившихся в последующие годы, то и дело напоминают чем-то светлый оптимизм и веселую, кипучую жизнерадостность любимого треневского героя.

Швандя живет не задумываясь, на одном дыхании. Сфера Любови Яровой — мысль, поиски правды, жажда ясности, чистоты. Пьеса названа ее именем, разумеется, недаром, хотя сам драматург настойчиво предупреждал, что содержание пьесы далеко не исчерпывается личной драмой героя и героини, что ему не менее важен и тот жизненный фон, на котором они предстают перед нами в пьесе.

Действительно, история оскорбленной любви Яровой к мужу, погрязшему в болоте антинародной белогвардейщины и опустившемуся до предательства, до провокации, составляет всего лишь один, хотя и очень важный, мотив в пьесе. Ее содержание ни в коем случае нельзя свести к сюжетной линии Михаила и Любови, так как линии Пикалова, Горностаева, Шванди, Чира, Елисатова, Пановой так же очень важны для понимания пьесы. В нее на равных правах входят такие темы, как интеллигенция и революция, крестьянство и революция, историческая неизбежность крушения белогвардейщины, ее антинародность. Все эти темы объединяются одной, главной темой — утверждением правды революции, ее силы и неизбежности.

Тренев потому-то и не мог сосредоточить всю пьесу вокруг кого-либо одного из персонажей. Они все были нужны ему для того, чтобы перед зрителями раскрылись во всей полноте уроки только что закончившейся, кровопролитной схватки двух исторических порядков. Если тема профессора Горностаева — это тема изживания старой интеллигенцией идеологических представлений, сложившихся в старых условиях, то тема Пикалова — это тема втягивания в революцию многомил-

люционных масс сельских тружеников, еще вчера слепых политически, а сейчас под влиянием революции, хотя и с трудом, медленно, но все же обретающих свое место в истории. Если тема Колосова — преодоление псевдогуманистических иллюзий и толстовской морали непротивления злу насилием, то тема Любови Яровой — овладение революционной идеей во всей ее полноте, категоричности, чистоте и целостности.

Внутренний мир Яровой ясен, ее взгляды выношены, и если говорить о чертах, преобладающих в ее образе, то это — убежденность, почти фанатическая вера в святость революционного дела, бескомпромиссная ненависть к врагам революции. Натура Яровой цельная. Это натура борца, способного на любые жертвы во имя правды.

Как же понимать в таком случае итоговую фразу Яровой, которой завершается пьеса? «Нет, я только с нынешнего дня ваш верный товарищ»,— говорит она Кошкину в ответ на признание ее заслуг перед большевистским подпольем. Ведь если Яровая стала до конца верным товарищем Кошкина только в момент развязки, на гребне победы, то весь ее предыдущий путь должен расцениваться как путь поисков, колебаний, самопроверки. Но колебаний у Яровой нет. Она не испытывает ни одного из тех сомнений, какие мучили в те годы многих и многих русских интеллигентов. «Самопроверка», пожалуй, это и есть то слово, которое приближает нас к пониманию сложной внутренней жизни треневской героини, к оценке того огромного нравственного завоевания, до которого она поднимается в пьесе. Ее встреча с мужем была испытанием, в процессе которого проверялась не верность Яровой идеалам революции, а ее способность всем пожертвовать во имя их осуществления. Любовь ослепила ее, поставила на грань предательства, но именно это и закалило окончательно сталь ее характера. То, что Яровая невольно выдала Михаилу Кошкина и его товарищей, важный момент для понимания ее пути в пьесе, потому что даже в эту минуту она не колебалась в выборе между Кошкиным и мужем. Свою ошибку она совершает в силу того, что ее сознание, затуманенное чувством, помешало ей на минуту разглядеть истинное лицо Михаила, понять его таким, каким он стал за годы разлуки. В этом и состоит тяжесть урока, преподанного ей жизнью. Выводы, которые она извлекает из этого урока, и есть ее главное нравственное завоевание в ходе пьесы.

И в этом смысле можно сказать, что психологическая тема Любови Яровой, повторим это еще раз, сюжетно вовсе не стоит в центре развертывающихся событий, хотя идейно она является ключевой в пьесе. Именно Любовь Яровая, на чью долю выпадает трудная задача изжить в себе любовь к самому дорогому человеку во имя правды, победить в себе старое во имя открывающихся перед народом горизонтов, это и есть тема, которая, хотя и с меньшей драматической напряженностью, в менее кризисных формах, но также содержательно проходит и через

образы Горностаева, Пикалова, Колосова. В каждом из них эта тема звучит по-разному и по-разному разрешается. Но чем пристальнее вглядываемся мы в пеструю череду лиц, проходящих перед нами на поле пьесы, тем яснее понимаем, почему так неизбежно крушение Малинина и Михаила Ярового, почему тщетны попытки Елисатова или Пановой славировать и вынырнуть при любой ситуации. По мере того как мы постигаем истоки силы Кошкина и закономерность его все более и более усиливающегося влияния на судьбы Горностаева и Пикалова, Марьи, Любови Яровой, становится ясно, что социалистическая революция действительно явилась выражением заветных чаяний народа, разрешила веками назревавшие проблемы его исторического бытия.

В этом и состоит художественная правда пьесы Тренева «Любовь Яровая», секрет ее немеркнущего от времени обаяния. Все новые и новые поколения, знакомясь с этой пьесой, стремятся понять через нее то овеянное легендами время, когда пробил первый час новой эры. Этот первый час в истории освобожденного народа и предстал в многозвучной, пестрой, широкой и полноводной пьесе Тренева во всем своем неповторимом своеобразии, драматизме, сложности, во всей правде.

Е. Сурков

СОДЕРЖАНИЕ

ДЛЯ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

Константин Андреевич Тренев

ЛЮБОВЬ ЯРОВАЯ

ИБ № 4523

Ответственный редактор *Е. М. Подкопаева.* Художественный редактор *Т. М. Токарева.* Технический редактор *Н. И. Лукова.* Корректоры *А. П. Саркисян* и *Е. И. Щербакова.*

Сдано в набор 18.04.80. Подписано к печати 22.08.80. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. типогр. № 1. Шрифт обыкновенный. Печать высокая. Усл. печ. л. 5,04. Уч.-изд. л. 5,1. Тираж 300 000 (1—150 000) экз. Заказ № 1468. Цена 30 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сущевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных пластин «Целлофот»

Тренев К. А.

Т66 Любовь Яровая: Пьеса/— М.: Дет. лит., 1980.— 96 с., ил. (Школьная б-ка).

В пер.: 30 к.

В книге помимо всемирно известной, отмеченной Государственной премией пьесы К. А. Тренева помещена статья об авторе и его творчестве Е. Суркова.

Т $\frac{70803-463}{М101(03)80}$ 222—80 Р2

ы

ев

ственный редактор
укова. Корректоры
ва.

ормат 84×108 1/32.
сокая. Усл. печ. л.
кз. Заказ № 1468.
дательство «Детская
делам издательств,
еркасский пер., 1.
я книга» № 1 Рос-
Р по делам изда-
ущевский вал, 49.
Целлофот»

ет. лит., 1980.—

ой Государственной пре-
ого творчестве Е. Суркова.

Р2

Библиотека № 233
0 480004 564041

30 коп.